

ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ

Разумника Гонорскаго,

Съ

присовокупленіемъ

двухъ Сонетовъ, двухъ Романсовъ

и

одной Фанпазіи.

.

J'étais heureux dans mes chimères; mon bonheur fut
avec elles: que vais-je être en réalité?

.

Х А Р Ъ К О В Ъ:

Въ Университетской типографіи

1818 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ Цензурный
Комитетъ, основываясь на донесеніи чи-
тавшего сіе сочиненіе Адъюнкта Архан-
гельскаго, печаташь оное дозволяетъ съ
тѣмъ, — чшобы по напечатаніи, до выпу-
ска въ Публику, представлены были въ
Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
для Цензурнаго Комитета, два для Депар-
таментна Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Биб-
ліотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи Наукъ. Ноября 24 дня, 1817 года.

Деканъ Гавріиль Усленскій.

Вотъ нѣсколько отрывковъ написан-
ныхъ самымъ бѣглымъ образомъ. Авторъ
не заботился о ихъ долговѣчности; а по
тому онъ не слишкомъ беспокоился и о
будущей ихъ участи. Если они займутъ
когонибудь хотя на одну минуту; то
онъ уже достигнетъ своей цѣли, и на-
гражденъ совершенно.

Читатель конечно извинитъ малень-
кую хитрость, когда увидитъ, что Со-
чинитель сихъ отрывковъ скрывается за
людей при имени коихъ ни одинъ обра-
вованный человѣкъ не остается равнодуш-
нымъ, и такимъ образомъ хочетъ онъ заста-
вить всякаго изъ нихъ пробѣжать каждую
пѣсу. Впрочемъ его истинное намѣреніе
было познакомить хотя сколько нибудь
съ нѣкоторыми особливо Лапинскими Пи-
сателями шѣхъ, кои не могутъ читать
ихъ въ подлинникахъ; и такимъ образомъ

сдѣлать хотя не большое дополненіе къ тому, что уже сказано у насъ на Рускомъ языкѣ о такъ называемыхъ мѣлкихъ стихотвореніяхъ.

Послѣ *Петрарки* описаннаго *Батюшковымъ* и *Анакреона Глаголевымъ* (*), я никакъ бы не осмѣлился выставить моего *Катулла* и *Горація*; есшлибы обѣ сіи пѣсы не были написаны до изданія шѣхъ; по крайней мѣрѣ послѣдняя, при появленіи которой Сочинитель былъ осыпанъ самыми лестными отзывами и не менѣе оправедливыми укѣризнами. Теперь чашапель найдешъ въ ней философію поэта подъ покровомъ ей болѣе приличнымъ.

Признаюсь еще: мнѣ хотѣлось воспользоваться небрежностію другихъ и предупредить шѣхъ, кои современемъ сообщашъ намъ или совершенные переводы или полныя характеристики сихъ люби-

(*) Амфііона 5-я Книжка, Май.

мыхъ поэзовъ древности; дабы, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, чрезъ то избѣжать сравненія во многихъ случаяхъ столь опаснаго.

Съ шѣмъ же намѣреніемъ присовокупилъ я и Жуковскую спашью объ Элегіи, равно какъ и отличительныя черты Тибуллы, Проперція и Овидія.

Любимая моя мечта о возможности *Теоріи подражательной гармоніи слова* мелькнеть и здѣсь въ глазахъ Читателя; но пусть онъ не пугается: таблицы гласныхъ и согласныхъ, цѣлые ряды буквъ представляющіе съ перваго взгляду нѣчто похожее на арабарскую грамаду, все это отнесено въ особый трактатъ; пусть прочтеть онъ одни только общія замѣчанія.

Сверхъ сего Читатель благосклонный найдетъ здѣсь труды маленькаго общества, которое не имѣло ни публичныхъ ни частныхъ засѣданій, и потому никогда

IV

не печатало своихъ пропоколовъ; но которое имѣло и еще шеперь имѣеть въ виду составить полное собраніе Живописныхъ Опрывковъ для всякаго рода словесныхъ картинъ. Сіе маленькое общество чрезъ меня представляешь здѣсь нѣсколько сдѣланныхъ имъ опышовъ и ожидаетъ себѣ рѣшишельнаго приговора.

О пяти стихопворныхъ пѣскахъ въ концѣ книги помѣщенныхъ, кажется, не нужно и говорить. По крайней мѣрѣ я увѣренъ, что число ихъ не испугаетъ робкаго чашаеля; ярипомъ же содержаніе сихъ пѣсь, особенно Сонетовъ и Романсовъ, ручается хотя за половину той занимательности, которой надѣются уже напередъ ошъ ихъ подлинниковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. Образцы легкой поэзіи - -	1
2. Капулль - - - -	5
3. Горацій - - - -	20
4. Поэты мечтатели - -	37
5. Нѣчто объ Элегіи - -	40
6. Тибулль - - - -	46
7. Проперцій - - - -	48
8. Овидій - - - -	49
9. Возможность теоріи подражатель- ной гармоніи слова - -	50
10. Развѣтїе гармоническаго чувства представленное въ характерахъ че- тырехъ Россійскихъ Стихотворцевъ	53
11. Отдѣлка Стиховъ у Виргилія -	56
12. О Рускомъ Экзампль -	58
13. Какъ должно переводить Древнихъ?	64
14. Капризь - - - -	66
15. Не въ шутку, или взглядъ на ны- нѣшнее состояніе нашей Словесно- сти - - - -	70
Живописная Проза.	
16. Зрѣлище прекрасной ночи въ пу- стыняхъ Новаго-Свѣта (Шатобріа- на, пер. Г. Ш — ой) - -	80
17. Темпейская Долина - -	82

	Стр.
18. Лилія и Роза (Гердера, пер. Н. К.)	83.
19. Аполлонъ Бельведерскій	85
20. Лилія и Роза (Сен-Пьера, Г. Ш.)	89
21. Пѣнїе птицъ (Шатобр. Г. Ш.)	90
22. Соловей (Бюффона, Г. Ш.)	90
23. Умирающій Лебедь (Гердера, Г. Ш.)	97
24. Воздушныя Гробницы (Шатобр. Г. Ш.)	99
25. Природа Южной Америки (Ласепеда, пер. Г. Ш.)	100
26. Лѣса и жители Сѣверныхъ странъ	102
27. Изверженіе огнедышущей горы (Ласепеда, Г. Ш.)	105
28. Козаки и Богданъ Хмѣльницкій (Отрывокъ)	107
Стихотворенія.	
29. Моя мечта	115
30. Петраркинъ Сонетъ	117
31. Другой Сонетъ, егоже	118
32. Заидъ и Заида (Романсъ)	119
33. Другой Романсъ	122.

ОПЫТЫ въ ПРОЗѢ.

ОБРАЗЦЫ

ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ

Катуллъ и Гораций.

Ихъ сердцу малость драгоцѣнна.

Б — въ

Чтобы перейти къ опдаленнымъ пошомкамъ, для сего не всегда нужны бываютъ фоліанты: шяжелѣйшіе изъ нихъ хотя и медленнѣе плывуть по шихимъ волнамъ рѣки забвенія; но они доходятъ въ свое время тудаже, гдѣ останавливаются и легкія дѣши минушнаго каприза, кои при самомъ появленіи своемъ понесли уже, минуя современниковъ, въ страну намъ неизвѣстную.

Конечно огромная книга (здѣсь разумѣюпся впрочемъ не одни фоліанты, но и въ 8-ю долю многіе томы) падаетъ съ бѣльшимъ шумомъ; и даже иногда поддерживаемая превозмогающею силою дурнаго

вкуса долго стоитъ она въ области Литературы подобно безобразному исполнену: между шѣмъ какъ листки мгновенной Франзїи сыплюся около нея наподобіе осеннихъ и только хрустящъ подъ ногами литературныхъ подрѣзывашелей. Случается: что сїи послѣдніе, очищая негодныя листья и вѣшви, съ ними вмѣстѣ по неосторожности или по невѣденію обрываютъ иногда и хорошїя. Впрочемъ сколько ни жалуюся на неправость сужденій людскихъ; но можно быть увѣрену, что доколѣ останеся на свѣтѣ хотя нѣсколько образованныхъ существъ, ни одно произведеніе высокаго ума не будетъ оставлено въ забвенїи: тонкое чувство шакже опличитъ всегда каждую искру таланта; оно сблизитъ ихъ одну съ другою и составитъ изъ нихъ блестящїй вѣнецъ, который на ряду съ великими шворенїями возсіеетъ въ вѣчности. Но никакїя усилія не помогутъ скучному автору пробиться съ своими страшилищами въ рукахъ сквозь густую мглу времянь. Сколько мы видѣли даже современныхъ намъ писашелей — или уже по-

грязшихъ подъ тяжестію своихъ дюжинъ во мракѣ неизвѣстности; или борющихся еще при помощи шѣхъ, кои сами ожидаютъ подобной участи. Между шѣмъ какъ изъ мрачной отдаленности прошедшаго лешатъ къ намъ листки вѣчно зеленѣющіе; равный шаланшъ опѣшитъ привить ихъ къ разпускающемуся древу своей Лисерашуры, и съ шѣхъ поръ они зеленѣють сугубо.

На ряду съ Гомеромъ и Гезіодомъ идутъ Анакреонъ и Сафо; на ряду съ Виргиліемъ и Лукреціемъ Катуллъ и Гораций; Тибуллъ, Овидій и Проперцій составляютъ еще и понынѣ самое лучшее удовольствіе людей образованныхъ.

Писатели, одаренные отъ природы великимъ умомъ, конечно познакомятъ насъ съ твореніями высокихъ поэтовъ. Но въ ожиданіи сего я желалъ бы хотя нѣсколько минутъ приятнымъ образомъ занять моихъ читательницъ, бросивъ взглядъ на *литическое бытіе* стихотворцевъ прославившихся бездѣлками, — и представить въ настоящемъ ихъ видѣ сихъ *баловней* природы. Читатель догадается: для

чего я не выбралъ на эпоху разъ другихъ какихъ либо писателей, кромѣ Капулла и Горація? Не полагаясь на собственное искусство я все еще ласкаюсь надеждою, что шушлявая Муза Капуллова и веселая съ важностію Гораціева изъ подъ мрачнаго покрывала прелестно улыбающагося дрзвямъ мимолетящихъ удовольствій, любамцамъ безпечной радости.

Тщетно спарался бы я выразить прелестъ стихосложенія сихъ двухъ поэтовъ: одинъ только знатокъ можетъ наслаждаться ею въ полной мѣрѣ; я только бы долженъ былъ восклицать, но многому ли научишься изъ восклицаній? И потому пробѣгу единственно предмѣты занимавшіе сихъ веселыхъ и безпечныхъ стихотворцевъ. Наши любимые поэты найдутъ здѣсь свою исторію; а почитатели ихъ шайну, отъ чего они намъ столько нравятся. Я желалъ бы удержатъ для себя одно только ихъ преимущество: желалъ бы сохранить мою одну только тѣнь той озабоченности и небрежности съ каковою они писали. Я не радостенъ своимъ огорченіямъ, и не могу забыть на когорыя угркъмй Физ

дософъ не удостоилъ бы бросить и одного взгляда.

К а т у л л а.

Умираешь Лезбѣинъ воробышекъ; важное обстоятельство для Капулла! Случай написать трогательную Элегію. И чтожь вы думаете? Чувствительный поэтъ въ самомъ дѣлѣ оплакиваетъ любимца своей подруги со всею нѣжностію. Сколько приводитъ онъ себѣ на мысль приятныхъ и вѣстѣ горестныхъ воспоминаній о семь малюшкѣ! Ему кажется, что эгошь крошечка все еще прыгаетъ около его подруги, щечочетъ ее носикомъ. Въ праведномъ гнѣвѣ раздраженный Капулла гремитъ противъ алчности Оркуса и раздѣляетъ огорченіе своей Лезбѣи, которая послѣ такой потери не можетъ утѣшиться. И подлинно, великая потеря!

Капулла съ друзьями на прогулкѣ. Лодка, нѣкогда прекрасная но теперь по ея вѣхости оставленная безъ употребленія, привлекаетъ на себя вниманіе поэта. Онъ обращается къ спутникамъ своимъ и указывая на лодку, воспоминаетъ

о прежней быстротѣ бѣга ея, легкости и красоты; онъ представляетъ себѣ даже и то время, когда она была еще кудрявымъ деревомъ и шопопомъ своихъ листьевъ наводила приятный сонъ. Какъ ему жаль, что она теперь оставленная въ уединеніи разрушается болѣе и болѣе! Но его сѣтованіе продолжается не долго: онъ и при грозной мысли о вѣчной разлукѣ, одушевляясь нечаяннымъ возпоргомъ, совѣщаетъ — только наслаждайся заранѣе.

Но иногда, какая переменчивость! пронушый собственнымъ своимъ положеніемъ, онъ увѣщаетъ самъ себя: „Нечестный Кашуль, восклицаетъ онъ, переспанешь ли ты наконецъ дѣлать глупости? Не обманывайся; что прошло, то уже не возвратимо. И для тебя свѣтило нѣкогда ясное солнце; но теперь все перемѣнилось. Чшожь дѣлать? Терпи, Кашуль, и вооружись постоянствомъ.“

Другъ возвращается изъ отдаленныхъ странъ: вотъ истинный праздникъ для нашего поэта; прекрасный случай польщиться, поговорить и послушать. Тотъ-

часъ готово Посланіе., И такъ ты возвращился къ своимъ Пенатамъ, пишешь онъ другу, какая для меня радость! И такъ я тебя увижу, услышу твои рассказы о дальнихъ путешествіяхъ! Боги! кто шеперь щасливѣе, кто блаженнѣе меня?“

Вотъ еще обстоятельство не менѣе важное для Капулла, какъ и смерть Лезбіина воробышка. Одинъ изъ пирующихъ съ нашимъ поэтомъ имѣетъ привычку вынимать лѣвою рукою плашки у шѣхъ, кои побезпечнѣе; онъ вынулъ плашокъ и у Капулла. Вотъ посыпались на него сѣкхи, а съ ними и упреки. За чтожь, думаете вы, Капулла всшупается съ такимъ жаромъ? Онъ не шумишь; онъ грозитъ похипшешлю еще многими сошнями сѣиховъ, естли сей не возвратишь ему плашка. „Жестокій, кричишь онъ въ досадѣ своей: я не для того докучаю тебѣ о шакой бездѣлицѣ, чтобы она куплена была за дорогую цѣну; нѣтъ, но знай, эшотъ плашокъ для меня безцѣненъ: я получилъ его отъ друга въ знакъ памяти.“

„Ты прекрасно поужинаешь у меня, пишешь онъ къ другу своему Фабуллу;“

только смотри, приведи съ собою по-
другу, принеси вина и возьми спутниками
себѣ острыя шутки и смѣхи, иначе не-
являйся; и тогда — скажу тебѣ еще
разъ — ты прекрасно поужинаешь. Не
надѣйся, другъ, на своего Капулла; у него
теперь пусто въ кошелькѣ. За то ты
найдешь у него самую чистую приязнь
и — что конечно тебѣ не менѣе понра-
вится — прекрасные духи, подарокъ мо-
ей подругѣ отъ Амура и Грацій. Услы-
шавъ ихъ запахъ, ты вѣрно воскликнешь:
ахъ, почему я немогу превратиться весь
въ обоняніе? “

Нѣкогда думалъ я, что только въ
наши времена жалуются на навязчивыхъ
стихотворцевъ; думалъ также, что
у насъ только дурные Авторы стара-
ются произведенія свои напечатать со
всею типографскою пышностію, — и сожа-
лѣніе мое казалось мнѣ безконечнымъ. Те-
перь я утѣшенъ; и въ древнія времена
случалось подобное. Вотъ Капулловъ
Суффенъ — истинный списокъ съ нашего
Вралова. „Онъ милъ, любезенъ, учтивъ,
острякъ и при томъ Стихотворецъ. Ду-

маю, что онъ написалъ по крайней мѣрѣ тысячь до десяти стиховъ. И у него они написаны не, какъ обыкновенно водится, на маленькихъ таблицахъ; о! нѣшь; на большихъ листахъ, на самомъ лучшемъ папирѣ, съ новыми ремешками; и все это вычищено, выглажено и ошливаешь прекрасный лоскъ, а самыя строчки проведены по сурку: словомъ, взглянешь и не захочешь отвести глазъ; но начни читать — эштошь учтивецъ, эштошь оспрякъ Суффень въ сочиненіи своемъ едвали походишь и на пастуха; рѣдкій извоцикъ выразится съ большею грубоспїю. Такъ онъ дѣлается не похожимъ на самаго себя! Только что за стихи: онъ вдругъ изъ весельчака и забавника превращается въ самую неповоротливую, самую неуклюжую колоду. Между тѣмъ самъ онъ чувствуетъ совершенно прошивное, — и когда сидишь за стихами; то почитаетъ себя щасливѣе, нежели во всякое другое время: онъ блаженствуетъ, онъ удивляется самъ себя. Но не похожъ ли и каждый изъ насъ въ чемъ нибудь на Суффена?

Часто въ другихъ находимъ мы по, чего за собою не примѣчаемъ. “

И въ этомъ ли одномъ похожи мы на древнихъ? Самъ Капулла въ часы лѣни, нѣги и свободы — когда предавался совершенному упоенію — походилъ на многихъ изъ нашихъ современниковъ. „Мальчикъ, налей мнѣ спараго Фалернскаго; но смотри, безъ воды: вода поршитъ вино; пусть пьютъ ее тѣ, кои не походятъ на меня!“ Капулла! нашъ Сулейкимъ повтораешь тоже самое, но несравненно чаще нежели ты, — и проситъ не Фалернскаго; о, нѣтъ! у него есть *вино* проестѣ и можетъ быть дѣйствительнѣе твоего Фалернскаго.

Время течетъ, обстоятельства безпрестанно перемѣняются, и для Капулла удовольствія мѣшаются съ неприятностями. Одинъ изъ друзей Поэта по видимому совершенно забываетъ преданнаго ему отъ всей души. Капулла жалуется на вѣроломнаго ему же-самому: „Такъ-то ты помнишь своихъ друзей? Жестокій! могъ ли я думать, чтобы ты меня обманулъ? Кому жъ наконецъ вѣришь? на

кого положишься? Ты заставилъ меня полюбить себя болѣе всего и теперь оставляешь! Вѣшеръ разнесъ всѣ твои клятвы и увѣренія. Но боги накажутъ тебя за невѣрность, боги накажутъ тебя; и ты раскаешься!“

Подобныя огорченія и, что еще больше, шумъ городской иногда столько наскучивали Капуллу, — что онъ охотно уѣзжалъ изъ Рима и уединялся въ своемъ уголкѣ — въ прелестномъ *Сирмїо*. Тупъ Поэтъ нашъ самъ не можешь описать своего возшорга. „Съ какимъ удовольствїемъ — восклицаетъ онъ спувивъ на свою землю — съ какимъ удовольствїемъ я посѣщаю тебя: едва могу вѣрить глазамъ своимъ, что эшо ты прелестный мой Сирмїо! Какъ приятно, сбросивши тяжелое бремя, возвратиться къ домашнимъ богамъ — и въ спокойствїи заснуть на давножеланномъ ложѣ! Прелестный Сирмїо! привѣтствую тебя; веселись и ты, украшайся еще болѣе видя своего господина; вы, волны моря, радуйтесь — играйте веселѣе. Смѣхи, шутки и заба-

вы! слетитесь сюда; пусть все веселись, все торжествуетъ со мною!“

Иногда гашь безопасный обладатель прелестнаго Сирмїо, принимая на себя важный видъ, воспѣваетъ боговъ и богинь. Туть пѣснь его дѣлается сполько же торжественною, какъ и самый предмѣтъ. Вы забываете шутливаго стихотворца; чувство набожное проникаетъ вашу душу: такова пѣснь Капуллова Дїанѣ. Впрочемъ не забудьте, что и эти стихи сочинены по случаю праздника, — когда онъ могъ опять удобнѣе заняться приятными бездѣлками, поговорить и послушать.

Но ничто не можешь сравниться съ прелестїю стиховъ его, когда онъ прославляетъ соединенїе двухъ сердець супружескимъ союзомъ. Пѣснь Манлію Торквату и Юліѣ Аврункулеѣ на бракосочетанїе ихъ и другая просто названная брачною — суть истинные брилїанты въ семь родѣ стихотворенїй. Здѣсь Поэтъ нашъ истинно на своемъ мѣстѣ, здѣсь онъ очаровываетъ совершенно. Жаль, что нѣкоторые, впрочемъ не многіе, стихи изъ

глажены временемъ и такимъ образомъ повреждаютъ полному дѣйствию цѣлаго!

До сихъ поръ видѣли мы Капулла болѣе чувствительнымъ, веселымъ, иногда шушливымъ и даже насмѣшливымъ, — но при томъ снисходительнымъ поэтомъ; думаете ли вы, что онъ всегда таковъ? О, нѣтъ! и онъ имѣлъ свои причуды, и онъ иногда бывалъ даже золь; но впрочемъ золь на такихъ людей, которые досаждали ему своимъ несноснымъ враньемъ. Особливо сердился онъ на худыхъ стихотворцевъ, ошь которыхъ — опячь въ утѣшеніе себѣ скажу — и въ древнія времена не было покоя. Нашъ колкій насмѣшникъ и изъ дурныхъ произведеній дѣлаетъ весьма хорошее употребленіе, которое не худо бы ввести и у насъ. Онъ обыкновенно совершаетъ надъ ними свою *очистительную* жертву. Являются Волюэіевы Лѣтописи въ стихахъ — къ щастію онѣ до насъ не дошли — какъ пропустить Капулла случай сдѣлать два дѣла: пошутить надъ смѣшнымъ Лѣтописцемъ — Поэтомъ и отвратить другихъ ошь сего чудовищнаго сочиненія! „Самые лучшіе

стихи самаго мерзкаго Стихошворца, возслицаетъ онъ; вы для меня будете не бесполезны: вами я свершу обѣтъ моей подругѣ, васъ принесу я на жертвуладычицѣ сердцецъ.“ Въ самомъ дѣлѣ онъ разкладываетъ огонь; попомъ, обращаясь къ стихошворной лѣтописи и между шѣмъ направивъ ее въ горнило очищенія „а вы, возглашаетъ принявъ на себя важный видъ жреца, наполненные глупостями **Анналы Волюзїя!** пылайте яркимъ пламенемъ и очищайтесь очищенїемъ моимъ.“ **Жалкій Волюзїй!**

Но какая переменна съ самимъ Капуллою? Изъ чрезвычайно веселаго дѣлается онъ крайне печальнымъ. Онъ жалуется другу своему — и какимъ унылымъ и вмѣстѣ протосердечнымъ пономъ! „Худо мнѣ, другъ мой, худо; и день ото дня все хуже становится; хоть бы ты меня утѣшилъ, хоть бы ты промолвилъ со мною словечко!“ Бѣдный Капулло! Ужъ это не послѣдствїя ли болѣзни приключившейся ему отъ рѣчи Оратора Сестїя, которую онъ принужденъ былъ слушать всю до конца и отъ кошорой — удивительное

дѣйствіе дурной прозы! — у него раз-
строился желудокъ и сдѣлался сильный
насморкъ. Это не шушка! Кашуль въ
самомъ дѣлѣ послѣ одной шакой рѣчи
опасно занемогъ и долженъ былъ для
излѣченія уѣхать въ свою Сабинскую де-
ревню.

Какъ въ дѣйствительной жизни по-
эта крылаше часы веселія смѣнялись
медленными часами скуки, которые одна-
ко въ свою очередь уступали мѣсто пер-
вымъ; такъ и въ сочиненіяхъ его мы, слѣ-
дуя за сими переменами, находимъ послѣ
стиховъ жалобныхъ стихи дышущіе воз-
торгомъ и радостію. Таковы написан-
ные Кашуломъ при отъѣздѣ его изъ Ви-
ѳиніи. Поэтъ съ свойственною ему пре-
лестію въ немногихъ словахъ изобража-
етъ возвращеніе весны и наконецъ воз-
кликаетъ самъ къ себѣ: „Осшавимъ, Ка-
шуль, поля Фригїи; поспѣшимъ въ слав-
ные города Азійскіе; уже напередъ тре-
пещу отъ радости, я самъ не свой! Про-
щайте, друзья мои, прощайте; мы разъѣз-
жаемся шеперь въ разныя стороны.“

Всѣмъ извѣстна Сафина ода, въ которой описывается помлненіе любви. Капулла, болѣе всякаго способный чувствовать въ полной мѣрѣ красоту сего стихотворенія, выразилъ мысли стихотворицы на своемъ языкѣ съ совершеннымъ искусствомъ; но онъ обратился съ этими стихами, вы конечно догадаешься, къ своей Лезбїи. Впрочемъ Капулла имѣлъ уже причину быть недовольнымъ ею; почему прибавляешь какъ бы въ упрекъ себѣ: „Нѣчего тебѣ дѣлать, Капулла; и отъ того ты такъ бредишь: бездѣйствіе опасно для тебя; отъ бездѣйствія погибли многіе Цари, отъ бездѣйствія разрушились большіе города.“

Малѣйшіе предмѣты, напоминающіе намъ что нибудь приятное, для насъ драгоценны. Дерево, на которомъ вырѣзанъ вензель; лустъ, подъ которымъ отдыхали мы некогда, упомянутые отъ солнечнаго зноя: все это напоминаетъ намъ веселыя минушны и прогаешь живѣйшимъ образомъ. Послѣ сего удивительно ли, что стихотворцы обращаются иногда къ жасману или къ розовому кусту; и въ

сладкой забывчивости бесѣдуютъ съ нами, осыпаютъ ихъ похвалами или упреками и повидимому удѣляютъ имъ часть своего бытія? Но у Капулла вы найдете еще странность: онъ разговариваетъ съ дверью одной увядшей красавицы. Только не знаю, какъ Капулла могъ слушать краснорѣчивые разказы такой нескромной собесѣдницы; можетъ быть потому онъ былъ къ ней снисходителенъ, что и себѣ позволялъ иногда излишнія вольности.

Новое нещастіе — и конечно важнѣйшее всѣхъ прочихъ постигаетъ Капулла: онъ лишается своего брата. Какъ горестно состояніе души его! но за то какъ трогательно и приношеніе праху любимого брата, умершаго на чужой сторонѣ! Поэтъ не смотря на дальнее разстояніе отправляется въ путь, посѣщаетъ могилу заключающую въ себѣ драгоцѣнные остатки, и въ прекрасныхъ стихахъ изображаетъ свою горесть. „Я прошелъ многіе народы, переплылъ многія моря, чтобы поѣхать твою, милый братъ, могилу; при-

вѣстѣ шебѣ послѣднюю дань смерти и побѣдовать съ нѣмымъ прахомъ, когда уже по изволенію жестокой судьбы не могу бесѣдовать съ самимъ побоею. Милый братъ, ты болѣе не существуешь для меня! твой Кашуль остался въ одиночествѣ. Чѣмъ почтешь твою память? По крайней мѣрѣ прими отъ меня обычаями предковъ уславленное приношеніе: прими, милый братъ, текущія слезы и прости на вѣки; на вѣки, милый братъ мой, прости!“

Это, какъ кажется, былъ единственный случай дѣйствительно нанесшій Кашулю жестокой ударъ.

Среди лѣни, нѣги и безопасности Поэтъ нашъ никогда не отступалъ отъ правилъ честности, не нарушалъ вѣрности — и благошворительностьъ была его душою. Одно только огорчало его: онъ дѣлалъ добро по большой части неблагодарнымъ, но это уже не его вина; и потому онъ, въ свободное время пробѣгая свои дѣянія, восхищался мыслію: что подъ старость можетъ еще имѣть утѣшеніе отъ добрыхъ дѣлъ, которыя онъ сдѣлалъ.

Истинное утѣшеніе! прямо небесное наслажденіе!

Вся жизнь такого человека есть приятная шкань сѣшванія и радости. Онъ не заботится о многомъ; но ко всему что мило привязанъ душевно и дѣлится съ нимъ свое бытіе: и потому все о чемъ онъ ни сожалѣеть, само собою по большей части маловажное, для него имѣеть существенное достоинство. Съ потерей каждаго любимаго предмѣта, каждой любимой бездѣлки онъ теряетъ часть своихъ удовольствій — и слѣдственно часть своего бытія. Но отъ чего такія мѣлочи, занимавшія людей совершенно опличныхъ отъ насъ, по безчисленнымъ отношеніямъ, и нынѣ еще намъ правятся? Отъ чего сочинители такъ называемыхъ мѣлкихъ — но не мѣлочныхъ стихотвореній имѣють большій кругъ читателей, нежели громкіе Эпики? — Отъ того что ближайшія связи общества не перемѣнились и предмѣты, занимавшіе любезныхъ Пѣшова древности, занимають и нынѣ всякаго: развѣ кто безчувственъ, какъ скала, такого не смягчитъ уже и огромная Поэма. Маловажное

приключеніе, описанное прелестными сѣн-
хамъ и приводящее намъ на память по-
добное съ нами случившееся, производитъ
полное дѣйствіе надъ сердцемъ чувстви-
тельнаго. И кто изъ насъ не имѣетъ сво-
ихъ мѣлочей, напоминающихъ намъ о *дри-
зтныхъ минутахъ*, — которыми должны
мы тѣмъ болѣе дорожить, что онѣ до-
ставляя истинное удовольствіе чрезъ
се самое прибавляютъ хотя нѣсколько
къ нашему дѣйствительному бытію?

Г о р а ц і й.

„Лови минуты“ — говоритъ другой.
Поэтъ во многихъ отношеніяхъ подобный
Катуллу, и еще въ высшемъ степени
обладавшій всѣми дарами сего любимца
Музы и Грацій Мысль о будущемъ, такъ
разсуждаетъ онъ, повергаетъ въ уныніе
и самаго вѣтреннаго; а ощущеніе ми-
нутаго удовольствія услаждаетъ горе-
сти многихъ лѣтъ Въ то мгновеніе, когда
щасливый возторгъ одушевляетъ тебя,
брось всѣ свои заботы и пользуйся на-
сущимъ. На что ты хочешь знать.

завтра, или еще чрезъ нѣсколько лѣтъ должно тебѣ разстаться съ жизнію? Благодари судьбу за то, что она скрыла отъ тебя послѣдній часъ твоей. День пройдетъ, — ты все еще можешь надѣяться; годъ пройдетъ, — все еще можетъ не отчаяваться: но если бы ты зналъ свой роковой часъ; но не спалъ ли бы, робко щипая дни свои, безпрестанно томиться?

Въ часъ досуга забудь все тягостное для твоего сердца, — и преобразись изъ заботливаго гражданина, изъ строгаго судьи, изъ угрюмаго ученаго, изъ грознаго война въ вѣчно-улыбающагося эпикурейца. Сбери вокругъ себя друзей и подругъ своихъ: пусть одни любезными шутками; а другія вкрадчивыми взглядами отнимають у тебя — самаго тебя.

Часъ одушевленія пролетитъ; но наслажденіе останется съ тобою: оно претворится въ твою сущность; а въ поминанія украсятъ прелестными мечтами картины прошедшихъ удовольствій для сладоснѣйшаго вкушенія будущихъ „

Во всякое время года можно наслаждаться. Прелести весны умножаютъ приятностьъ успѣхъ нашихъ; лѣтней зной, осенняя непогода и зимняя снужа имѣютъ свои вознагражденія.

„Весенній вѣтерокъ повѣваетъ надъ тихо льющимися струями; радостный плаватель готовится поднять свои парусы; игривыя стада рѣзвясь по зеленому лугу; въ ясную ночь при полномъ сѣянїи Луны Венера выводитъ свои хоры и милостивыя Граціи схватившись съ рѣзвыми Нимфами начинаютъ веселыя пляски.

„Земля свергла съ себя оковы зимы; на мѣсто инея и снѣга явились овѣжіе цвѣты. Соведемъ себѣ изъ нихъ вѣнки; пусть зеленый миршъ обовѣетъ около нашихъ душистыхъ волосъ. Пойдемъ въ тѣнистыя рощи; тамъ принесемъ жертву Богу лѣсовъ.

„Друзья! къ чему дальнія надежды при жизни мгновенной? Уже близка къ намъ вѣчная ночь; скоро переселимся въ область тѣней: тамъ не будемъ уже пить такого вина какъ здѣсь, тамъ не найдемъ для себя и нѣжныхъ подругъ.“

Знойное лѣто наступаетъ: „въ жарѣй полдень утомленный паспухъ съ жаждущимъ спадомъ спѣшитъ отдохнуть въ тѣни деревь, или на берегу ручейка. Море споитъ тихо; наглый вѣтръ не смѣетъ коснуться гладкой его поверхности.“ Все ищеть прохлады и покоя; чтожь медлишь ты? „Гдѣ высокая сосна и развѣсистый пополь дружески призывають тебя подѣ густую тѣнь сплѣтшихся вѣтвей; гдѣ игривыя струи журчатъ въ извивистомъ ручейкѣ: шуда вели принесть винъ, благовоній и розъ, — пока твои лѣта и спротивя Парки позволяють тебѣ наслаждаться.“

Возь и осень. „Цѣлая моря облаковъ волнуются на мрачномъ небосклонѣ; дождь мѣшается съ снѣгомъ; вода пѣнятся, лѣса шумятъ, порывистые вихри вырываютъ деревья: Друзья! воспользуемся случаемъ; когда вся природа въ ужасномъ смятеніи, должныли мы оставаться равнодушны? Нѣтъ, на зло непогодѣ будемъ веселы; суровая старость еще не провела морщинъ по нашимъ юнымъ челамъ. Вино, благовоніе и лирные звуки пусть услажда-

юсть нашъ вкусъ, обоняніе и слухъ; вино, пѣсни и дружескіе разговоры пусть гоняшь отъ насъ скуку длинныхъ осеннихъ вечеровъ!“

Но чѣмъ смягчимъ мы жестокость зимы, когда она явится къ намъ во всѣхъ своихъ ужасахъ? И въ семь случаевъ Гораций даетъ совѣты другу своему — какъ кажется укрѣпившись уже противъ зимней стужи добрымъ приемомъ согрѣвательнаго. „Таліархъ! взгляни, какимъ глубокимъ снѣгомъ покрытъ бѣлѣющей Соракшъ; лѣса почти не могутъ держать своего бремени; жестокой холодъ сковалъ воды. Разведи огонь въ каминѣ, согрѣвайся и не щади стараго вина; оставь все прочее на волю боговъ: они усмиряютъ бурные вѣтры сражающіяся на моряхъ; тогда кипарисы и древнія вязы стоятъ тихо. Не заботишься о томъ, что будетъ завтра; каждый день давай тебѣ рокомъ щипай выигрышемъ. Теперь пока еще свѣжесть лица твоего не увяла, любви и пляши. Являйся въ свое время на полъ Марсовомъ и на ристалищѣ; а вечеромъ въ часъ свиданія приходи по-

шепшашъ съ своею любезною; она спрячется отъ себя, но невольная усмѣшка измѣнитъ ей, и ея притворно робкая рука отдастъ тебѣ перстень.“ — —

Увы, Поспумъ, летяшъ поспѣшно годы,
И мы за ними въ слѣдъ!

Гдѣжъ веселый нашъ учитель? При сей грозной мысли онъ самъ теряетъ свою бодрость; онъ представляетъ, что уже близка та минута, когда должно оставить все „и земли и домъ и милую жену, и когда изъ всѣхъ деревъ собственными руками насажденныхъ ни одно кромѣ мрачнаго кипариса, не будетъ сопутствовать кратковременному своему владѣтелю.“ Ахъ, въ самомъ дѣлѣ какъ онъ пронухъ сею мыслию! Онъ пораженный ею, совѣтуетъ пожилому другу своему — разсмѣйся — допишъ поскорѣе по вино, которое послѣ него спалъ бы разливать его наслѣдникъ.

Отъ сѣдаго богача Горацій обратится къ юной красавицѣ, которая скрываетъ свои развивающіяся прелести отъ страстныхъ взглядовъ ея обожателей. Хлоя, робкая Хлоя, какъ боязливая серна,

отставившая отъ своей матери, которую спрашивать и легкій шумъ въперка межъ деревь и хругкй, подь ногами листь, бѣжить отъ влюбленнаго Горація, не хочешь и взглянуть на него. Неопытная! красы ея цвѣшуть; но она и не думаетъ, что время течетъ быстро, что розы отцвѣтають и что тотъ же самый Горацій, котораго она теперь убѣгаетъ, скажетъ ей нѣкогда, досадуя, жалѣя, насмѣхаяся:

Гдѣ прелести швои, сердцеъ очарованье?

Гдѣ поступь гордая и взглядъ небесный твой?

Гдѣ время то, когда я былъ какъ самъ не свой?

Осталося одно о нихъ воспоминаье.

Сїи слова не возвращаютъ ей прежней красоты; они только напоминаютъ о ней; но юная застѣнчивая подруга ея, подслушавши ихъ, сдѣлается умнѣе.

Римскія прелестницы не всѣ походили на эту Хлою. Горацій любилъ, былъ любимъ; и когда ощущеніе любви взаимной водило его рукою, — она изображала одни удовольствія. Онъ любилъ, ему изменяли; тогда огорченіе испортило изъ сердца его упреки. Онъ любилъ, и въ любви своей находилъ совмѣстниковъ;

когда любезная склонялась къ нему, онъ поржешествовалъ: въ неудачѣ прибѣгалъ къ Музамъ; въ ихъ объятіяхъ забывалъ всѣ непріятности и грозилъ — не любить. Но если онъ взаимно любимъ и совершенно доволенъ; по какъ тонко, какъ живо описываетъ красоту своей любезной и сладость своего восторга! Тутъ онъ влѣбникъ страсти, добыча желаній. Онъ хочетъ украсить всѣми пріятностями свой праздникъ любви. Онъ обращается къ Царицѣ сердець, къ рѣзвымъ прелестницамъ Олимпа; и кто не склонится на его моленіе? какое божество не почтитъ его своимъ присутвіемъ? Венера, въ сопровожденіи Амура, Грацій и Меркурія спускается съ голубаго неба и невидимо присутствуетъ тамъ, гдѣ страстный Гораций истаяваетъ въ упоеніи подлѣ своей милой.

Поэтъ чувствуетъ во всей полнотѣ пріятность нѣжнаго томленія; онъ находитъ себя выше всего, и въ сладостномъ забвеніи мечтаетъ, что, когда онъ поетъ свою подругу, ничто ему вредить не можетъ.

Но иногда мечты его были только мечтами, и онъ не всегда бывалъ такъ щасливъ. Или завистливая Парка похитить у него его лѣбезную; но и путь онъ подосадуешь на нее и, чтоже дѣлать? сердце его найдетъ чѣмъ замѣнить сѣю потерю. Или онъ самъ какимъ нибудь проступкомъ — безъ умысла — огорчишь свою подругу и почувствуешь ея холодность; онъ извиняется передъ нею, и гордая красавица потупитъ взоръ свой, чтобы потомъ взглянуть на него умильнѣе, нѣжнѣе.

Чтожь? они помирились; Гораций спокоенъ; но на долголи? Вдругъ его Лидія разхвалиитъ Телефа; какъ ему не огорчиться? какъ не вспыхнуть? Онъ внутреннимъ горитъ огнемъ волнующимъ всю кровь и являющимся въ чертахъ лица его. Онъ огорченъ; но все еще легко можно его опять смягчить, развеселить, даже привести въ восторгъ; когдаже онъ видитъ что невѣрная измѣнила, что ни мольбы ни угрозы не прогають ея; то вздохнешь, напомнимъ ей клятвы ея, свидѣтелей сихъ клятвъ и равнодушно пожелаешь щастія новому ея другу. Онъ ска-

жетъ ей „ты пошужишь, а я лишь разсмѣюсь“ и вѣзмется опять за лиру; звукъ ея усладить его горестъ.

И онъ былъ бы вѣчно щастливъ, если бы только сей звукъ успокоивалъ волненіе души, чтобы потомъ разпрогнать ее живѣе; если бы время не уносило пылкихъ лѣтъ юности, не утишало сердечнаго жара и уже на вѣки. Пятьдесятъ его прошли; но Амуръ конечно по привычкѣ или ошибкой бросилъ еще разъ въ него стрѣлу. Горацій ощутилъ прежній огонь; онъ умоляетъ, но не о прежнихъ забавахъ, онъ молить о спокойствіи!

Наконецъ онъ оставленъ всѣми: ни любовь, ни богъ веселія, ни сама весна не разпочаюшъ для него своихъ даровъ. Юность переманила къ себѣ милыхъ спутницъ безпечной жизни; при немъ осталась одна только дружба — послѣднее утѣшеніе несчастному.

Онъ оставленъ; какъ не пожалѣть о немъ? Но онъ еще жалостнѣе, когда уже отказывается самъ отъ всѣхъ пріятностей жизни. Онъ прощается съ своими утѣшительницами; въ послѣдній разъ ка

сается струнъ своей лиры, онъ умолкаетъ; но рѣзвый отголосокъ его пѣсней разносится по развалинамъ Тибурскимъ, и пронутый странникъ отвѣстствуетъ имъ вздохами. . .

Горацій! гдѣ твоя Глицера? гдѣ Лидія? гдѣ измѣнница Неэра? гдѣ красавицы твоего времени? гдѣ самъ ты? — —

Дружба не менѣ любви занимала нашего Поэта. Горацій, когда умъ его шатался еще въ безвѣстности, имѣлъ не многихъ но за то вѣрныхъ друзей, о которыхъ онъ во всю жизнь напоминалъ съ удовольствіемъ. Когдаже звукъ очаровательной его лиры коснулся Августова слуха, и сей Государь позналъ цѣну рѣдкихъ дарованій любимца Музъ и Грацій; то Горацій увидѣлъ себя окруженнымъ полною благородныхъ Римлянъ называвшихся его друзьями. Каждый изъ нихъ увѣрялъ его въ дружбѣ неизмѣнной, вѣчной; каждый открывалъ предъ нимъ свое сердце, или казался шаковымъ. Поэтъ выбиралъ, колебался и во множествѣ такихъ друзей едва находилъ одного, которому могъ вѣришь тайны своего сердца.

да. За то онъ никогда не жаловался на свой выборъ, никогда не упрекалъ себя въ неосторожности, никогда не имѣлъ нужды говорить языкомъ несчастнаго Овидія.

Отъ него, когда онъ говоритъ о друзьяхъ своихъ, вы не услышите непріятностей. То призываетъ онъ ихъ подъ пѣнь пополей и миршовъ раздѣлить часы восторга — шуда гдѣ самъ богъ веселія разливаешь для нихъ свою чашу; то посылаетъ онъ во слѣдъ удаляющагося друга унылый, пріятный отголосокъ своихъ пѣсней; то привѣтствуетъ возвратившагося, и радостнымъ пѣніемъ сзываетъ прочихъ торжествовать его щастливое прибытіе.

Свирѣпая зима предшествоваемая осенними непогодами поселяетъ въ сердцѣ его скуку; онъ вздыхаетъ, не знаетъ что дѣлать; но вспомнивъ о друзьяхъ своихъ, прибѣгаетъ къ дружбѣ и хочетъ, покоясь на ея лонѣ, изгладить непріятныя впечатлѣнія произведенныя въ душѣ его увядающею природою. Онъ вызываетъ къ друзьямъ своимъ; они летятъ къ нему, и окруженный ими забываетъ грусть свою,

не чувствуетъ осенней непогоды, не слышишь рева вѣтровъ обнажающихъ лѣса Оракійскія и не видишь моря волнуемаго сменяющею бурей.

Пріятная весна улыбается природѣ, и Флора окруженная зефирами съ голубаго неба спускается долу. Горацій чувствуетъ новыя удовольствія, новые восторги, и спѣшитъ раздѣлить ихъ съ друзьями своего сердца. Онъ описываетъ прелести раждающейся весны, и для чего же онъ ихъ описываетъ? Чтобы плѣнить весеннею красотою своего друга, заставивъ его бросить на минушу всѣ заботы, чтобы наконецъ сказать ему:

Сбрось съ плечъ своихъ печали бремя;

О мрачномъ шаршарѣ забудь;

Со мною вмѣстѣ щасливъ будь.

Пусть мчится быспрымъ лептомъ время!

Не все намъ о дѣлахъ твердить;

Пріятно — ксташи пошуишь.

Такъ, Горацій, ты сказалъ правду. Пусть другой вѣчно хмуритъ брови и суровымъ челомъ своимъ представляетъ угрюмую осень; такой не живетъ, онъ только дышетъ но не чувствуетъ. Трудно быть всегдашнимъ исполнителемъ уро-

ковъ холоднаго разсудка; у насъ есть сердце; пусть оно не всегда прїятную впрочемъ всегда полезную пищу ума разшваряетъ удовольствїями и даже, что нужды? мечтательными.

Дружба не знаетъ различїя состояній. Сынъ какого нибудь опущенника и вельможа перваго двора въ свѣтѣ соединяются между собою шѣснымъ союзомъ и бывають не разлучны до гроба. Меценатъ и Горацій оправдали еію истину: первый восхищенъ былъ рѣдкими дарованїями юнаго поэта, а сей плѣнился великими качествами достойнаго царедворца; ихъ чувства слились; одинъ поклялся другому быть вѣрнымъ до послѣдняго вздоха и всюду сопутствовать неуклонно.

Меценатъ жилъ въ Римѣ. Оглушаемый крикомъ народа сея столицы свѣта и почти ослѣпляемый блескомъ величїя знаменитыхъ Римлянъ онъ не могъ наслаждаться постояннымъ спокойствїемъ. Горацій жилъ болѣе въ скромномъ уединенїи. Онъ издали внималъ шуму честолюбивыхъ Римлянъ; издали взиралъ на пышность и блескъ любимцевъ щастїя, и

желая раздѣлить съ славнымъ другомъ своимъ веселыя минушы, часто приглашалъ его въ просное свое жилище. Тамъ духъ Мецената предаётся шихой безпечности; тамъ вмѣсто крика народнаго слышишь онъ прїятный шумъ величественно низвергающагося Анїо; тамъ не видишь онъ ослѣпляющаго блеска, развѣ когда обращаетъ взоры свои, при заходящемъ солнцѣ, на позлащаемыя послѣдними лучами волны сего водопада.

Меценатъ облегчалъ брѣмя попеченій своихъ о народѣ Римскомъ въ жилищѣ Горация; Гораций разпочалъ свою любезность въ чертогахъ Мецената. Когда зной палящаго лѣта или суровость холодной зимы упоминали Мецената, онъ прохлаждался и согрѣвался у Горация; когдаже гремящая слава гласила побѣды Августа, и гордый Римъ торжесшвовалъ; то Гораций присутствїемъ своимъ украшалъ празднество пирующаго Мецената.

Мы живѣе чувствуемъ сладость дружбы, когда равлучаемся съ людьми намъ любезными. Веселость Горациева въ кругу

друзей равнялась его сѣтованію въ ту минушу, какъ онъ съ ними разсѣвался.

Когда неумолимый рокъ указываетъ другу его путь отдаленный, и когда сей вступающій на легкій корабль предается произволу ярящагося моря; посмотрите на Горація, съ какою нѣжною заботливостію провожаетъ онъ скрывающагося отъ глазъ его, какъ умоляетъ владыкъ морскихъ, и какія желанія шлеть онъ во слѣдъ корабля несущаго на себѣ половину души его!

Всѣ еще лестная надежда — опять увидѣться — проясняетъ омраченную душу, и Горацій весель по прежнему. Когда же онъ видитъ друга своего по манію Беллоны летящаго противу стрѣлъ и мечей; когда мрачное сомнѣніе страшными видами наполняетъ его воображеніе; то не хочетъ разстаться съ своимъ любимымъ, готовъ лезть съ нимъ на вершину Альповъ, узрѣть подъ ногами необитаемый Кавказъ, готовъ спать на краю свѣта, и утѣшается тѣмъ, что будетъ раздѣлать съ другомъ своимъ всѣ непріятности . .

Вы сѣповали съ Гораціемъ при раз-
лукѣ его съ друзьями: теперь плачете
съ ними вмѣстѣ, когда онъ соспраждаетъ
другу своему и утѣшаетъ его въ невоз-
вратной потерѣ. Онъ беретъ за лиру;
настроиваетъ ее, и она издаетъ жалобные
звуки. Поэтъ чувствуетъ въ полной мѣ-
рѣ прискорбіе своего друга: но онъ увѣ-
ренъ, что потеря невозвратима; чтожь
ему остаётся дѣлать? сказать:

Свинцовая рука Судьбы

Опягошѣла надъ шею;

Но спорить намъ не лзя съ Судьбою,

Чтожь дѣлать? спросишь ты; перни.

и умолкнушь.

Забудьте на время печальный тонъ
Гораціевъ и порадуйтесь съ нимъ при
встрѣчѣ его друга. Онъ лепитъ къ нему,
напоминаетъ прежнія радости, зоветъ къ
себѣ успокоиться послѣ долгаго стран-
ствованія подъ тѣнію лавра; онъ, отъ
радости, внѣ себя!

Какъ переменчива жизнь человѣче-
ская! Отъ удовольствій переходимъ мы
къ непріятностямъ, отъ отчаянія къ вос-
торгамъ. Горацій бывалъ веселъ, восхищалъ

ся; онъ грустиль, иногда даже отчаявался. Онъ испыталъ всѣ сїи перемѣны, и наконецъ рѣшился найти себѣ уголокъ; гдѣ бы ему мирно провести свою старость вмѣстѣ съ другомъ сердечнымъ и на закатѣ дней своихъ насладиться предвкушеніемъ будущей славы. Тибуръ — вотъ мѣсто кошорымъ онъ плѣнился; Сентимій — вотъ другъ, котораго онъ приглашаетъ шуда съ собою!

Нѣтъ ни Сентимія, ни Горація! И Тибуръ величіемъ своимъ блистаетъ уже только въ стихахъ Римскаго Поэта; такъ! но и самыя развалины его очаровательны.

Поэты мечтатели.

Мечты предваряютъ наслажденіе; возпоминанія летятъ ему въ слѣдъ. Пока будущее не сдѣлалось настоящимъ, мы мечтаемъ о немъ; когда же настоящее дѣлается прошедшимъ, то воспоминанія замѣняютъ намъ наслажденіе.

Приятны мечты сердцеъ гошовыхъ соединишься, сладосны возпоминанія душъ

разлученныхъ; но щастливъ въ волной мѣрѣ шопъ, кто напоминая прежнїя радости можетъ мечтать еще и о будущихъ! А кому судьба запретила бросать взоры свои въ заманчивую даль, шопъ довольствуйся однимъ воспоминанїемъ; еспьлиже и въ его уединенїе прокрадется рѣзвое дитя воображенїя, то пусть онъ его уловить, — и забывшись на минуту пусть не много помечтаетъ.

Тибулль, образецъ поэтовъ-мечтателей — съ имянемъ котораго вы конечно представили себѣ и образъ его окруженный мечтами и воспоминанїями какъ божествами воздушными — Тибулль, когда еще блестящая будущность манила сквозь туманную завѣсу его пылкое воображенїе, мечталъ и наслаждался. Но удовольствїя исчезли, съ ними и наслажденїе; блестящїе призраки будущего скрылись: съ ними и мечты. Тибулль не мечтаетъ по прежнему: онъ проснулся съ заботливыми суетами; спѣшитъ въ свое уединенїе — къ тѣмъ, коихъ простиша и мягкодушїе замѣняютъ всѣ его пошери. Онъ на свободѣ, безпечень, съ нимъ

его Делія; за нимъ украдкою влѣзли въ его шалашъ возпоминанія; и онъ блаженствуетъ снова!

Кто любитъ мирную, безвѣстную жизнь; тотъ безъ сомнѣнія любитъ и пѣхъ, кои искусною кистію описали ея удовольствія. Конечно все это баснословно, все одна мечта и меня обманываютъ; но естли обманъ приятенъ, то почемужъ не вдаваться въ него? Почему не мечтать съ Тибуллою и не плѣняться красотою той жизни, которую онъ себѣ избралъ? А мѣръ пастушескій? А Виргилій, Тассъ, Гварини и Геснеръ? Да, и они мечтали; но когда я ихъ читаю, то дѣлаюсь современникомъ пастушковъ и пастушекъ ихъ, живу между ими. Иногда заглядываю даже и въ *Аркадію* простодушнаго Санназара, и въ ней нахожу пищу для моего причудливаго сердца: а самъ желалъ бы сдѣлаться пастушкомъ; но я забылъ бы, что это мечта и лишился бы удовольствія быть обманутымъ столь пріятно.

Нѣчто объ Элегіи.

(Изъ Сочиненій Жокура).

Элегія въ своей трогательной и благородной простотѣ соединяетъ все прелести Поэзіи, воображенія и чувства. Но не смотря на то, сей родъ стихопвореній со времени возрожденія наукъ былъ оставленъ совершенно безъ вниманія, и даже съ понятіемъ о немъ соединяли какое-то непріятное сѣтованіе: это произошло отъ того, что не отличили надлежащимъ образомъ нѣжности отъ приторности; или отъ того, что Стихотворцы, на примѣрѣ коихъ основывалось сіе мнѣніе, сами изнѣженный слогъ принимали за нѣжный.

А поелику строгіе законодатели поэзіи Элегію сочли недостойною ихъ суда и приговора; то она до сихъ поръ пользуется своею прежнею свободою. Она, какъ ей вздумается, важна и легка, нѣжна и шушлива, страстна и спокойна, весела и жалобна; почему и способна къ принятію всехъ тоновъ отъ героическаго до

самаго простаго. Проперцій въ Элегіяхъ своихъ мимоходомъ описываетъ твореніе міра, Тибулъ адскія муки; поэтъ и другой написали картины достойныя Рафаэля, Корреджія и Албана; Овидій безпрестанно играетъ стрѣлами Амура.

Есть три рода Элегій: *страстная, нѣжная, живописная.*

Во всѣхъ сихъ родахъ принимаетъ она поэтъ сожалѣнія и радости. Особенно въ Элегіи Амуръ бываетъ дышащею, которое за бездѣлку сердится и опять мирится; плачетъ и смѣется въ одно и тоже время. По сей причинѣ въ любовной Элегіи нѣжность, страсть и живописность не несомѣстны; но перемѣшивая ихъ должно наблюдать опшѣенія, переходы, постепенности. Въ такомъ положеніи души, когда говоришь *мучусь несчастный!* ты не долженъ сравнивать румянецъ своей любезной, уличенной въ невѣрности, съ багряностію неба, съ восходомъ зари, съ блескомъ розъ между лиліями (Овид.). Въ ту минушю, когда взываешь къ друзьямъ своимъ: *Заклучите*

меня въ оковы; я съ ума сошелъ. обидѣлъ свою милую, не думай о бѣшенствѣ Ореста и Аякса (Онъ же) Въ подобныхъ отступленіяхъ несравненно естественнѣе Проперцій. У меня отнимаютъ то что я люблю — говоришь онъ своему другу — и ты мнѣ не велишь плакать? Только любовь можетъ чувствовать обиду. . . . Она причиною войнъ; отъ нея погибла Троя. . . . Но что мнѣ смотрѣть на Грековъ. . . Ты, Ромулъ, ты самъ показалъ намъ примѣръ сего преступленія: похитивши Сабинянокъ, ты потомковъ своихъ научилъ похищать у насъ нашихъ любезныхъ. . . .

Страстная Элегія вообще одушевляется чувствомъ, и симъ отличается Проперцій; въ живописной особенно дѣйствуетъ воображеніе, и это характеръ Овидія. У перваго воображеніе тихое и покорное для того только соединяется съ чувствомъ, чтобы украсить сіе послѣднее; и украшая его само скрывается за нимъ. У втораго, чувство послушное и покорное для того, только присоединяется къ воображенію, чтобы одушевить его,

и само оно покрывается цвѣтами симъ во множествѣ разсыпаемыми. Краски слишкомъ яркія охладили бы одно, такъ какъ сильная страсть затмила бы другое. Страстное чувство отвергаетъ убранства Грацій, а Граціи пугаются при испуленномъ видѣ страсти; но тихое движеніе дѣлаешь ихъ прогашельнѣе и живѣе: онѣ преимущественно опличаютъ Элегію *нѣжную* — Элегію Гибуллову.

Тихое и пріятное чувство, одушевляющее *нѣжную* Элегію, должно быть постоянно питаемо воображеніемъ живымъ и обильнымъ. Представьте себѣ печальнаго и задумчиваго человѣка прогуливающагося по полямъ, гдѣ все что онъ ни видитъ напоминаетъ ему предметъ занимающій его въ тысячи видахъ: шакое въ *нѣжной* Элегіи положеніе души относительно воображенія. Чего не представляешь себѣ въ сей пріятной задумчивости? То спокойно *плывешь на одномъ кораблѣ съ своею милою; подвергаешься бурѣ; слышишь на той же скалѣ, подъ тѣнью того же дерева; льешь изъ одного источника; на томъ же ли бываешь или*

жа другою концѣмъ корабля — довольно одной доски для обоевъ; все переносишь съ удовольствіемъ. Какая нужда до того, что южный, или сѣверный вѣтръ надуваетъ паруса; лишь бы только взоры твои были устремлены на твою подругу. Естлибы громъ разразилъ корабль; ты затрелеталъ бы только о ней. (Проперцъ.) Тебѣ представляешь себя умирающимъ; дрожащею рукою держишь руку своей рыдающей подруги: она повергается на смертный одръ своего друга; слѣдуетъ за своимъ любезнымъ до самаго костра; осыпаетъ его поцѣлуньями, орошаетъ слезами. Тутъ видишь юношей и дѣвъ возвращающихся съ поникшими и заплаканными лицами; видишь, какъ милая рветъ на себѣ волосы, терзается; заклинаешь ее пощадить тѣнь услопшаго и умиришь свое отчаяніе (Тибуллъ).

Такимъ образомъ въ нѣжной Элегіи чувство всегда должно быть оживляемо картинами представляемыми ему воображеніемъ. Не такова страстная Элегія: настоящій предметъ наполняетъ всю душу, и страхъ не задумывается.

Изъ опрыжковъ нами приведенныхъ и которыхъ мы не осмѣлились перевести можно видѣть, какъ настроено чувство Тибулла и Проперція; но чтобы почувствовать всю прелесть ихъ слога, для сего надобно читать подлинники. Каждый изъ нихъ легокъ и точенъ, силенъ и пріятенъ, естественъ, нѣженъ и прелестенъ. Квинтиліанъ почитаетъ Тибулла самымъ красивымъ и самымъ исправнымъ изъ всѣхъ Элегическихъ поэтовъ Латинскихъ; между тѣмъ онъ признается, что Проперцій имѣетъ своихъ защитниковъ предпочитающихъ его Тибуллу: надобно признаться, что и мы изъ сего числа.

Тибулъ и Проперцій совмѣстники Овидія въ живописной Элегіи, украсили ее всѣми прелестями воображенія. У Тибулла образъ Аполлона видѣннаго имъ во снѣ, у Проперція описаніе Элисейскихъ полей, у Овидія поржество любви — лучшая изъ всѣхъ его Элегій суть картины восхищительныя. Такимъ образомъ Элегія должна быть украшаема руками Грацій, если только не одушевляется страстію или не растворяется чувствомъ.

И о семь-то менѣ всего думали повѣй-
шіе: у нихъ Элегія часто холодна и не-
брежна, а потому непріятна и скучна;
между тѣмъ двумя только способами мож-
но нравиться — забавляя или прогая.

Х а р а к т е р ы

трехъ славнѣйшихъ Элегиковъ.

Т и б у л л ь.

Тибулль постигъ и совершенно вы-
разилъ сущность Элегіи. Онъ умѣлъ на-
вести умный безпорядокъ столь есте-
ственный въ семь родѣ сочиненій: поду-
маешь, что его Элегіи суть единственно
плодъ его чувства; по видимому въ нихъ
нѣтъ ничего обдуманнаго, связаннаго; въ
нихъ не видно ни искусства, ни предва-
рительныхъ упражненій. Онъ хотѣлъ
представить самую спрассть; и изобра-
зилъ ее, живописуя ея движенія и дѣй-
ствія чертами близкими къ природѣ:
онъ желаетъ, боится, порицаетъ, одобря-
етъ, отвращается, любитъ, сердится, ми-
рится; въ одну минуту переходитъ отъ
мольбы къ угрозамъ, отъ угрозъ къ моль-

бамъ. Въ его Элегіяхъ ничто не показываетъ вымысла: ни надутыя выраженія сколько ей противныя и необходимо предполагающія принужденность, ни ученныя намѣканія отнимающія довѣренность у Поэта, будучи противны естественности и разрушая правдоподобіе. Въ Тибуллѣ все дышитъ истинною.

Онъ нѣженъ, естественъ, работливъ, страстенъ, благороденъ; гордъ безъ напыщенности, простъ безъ низости, красивъ безъ искусственности. Онъ чувствуетъ все что ни говоритъ, и всегда говоритъ это такъ какъ должно говорить въ намѣреніи убѣдить другаго, что ты это дѣйствительно чувствуешь. Изображаетъ ли онъ необитаемую пустыню? Присутствіе Сульпиціи дѣлаетъ ее пріятною; представляешь ли онъ себя удрученнымъ скукою и разпоряжающимъ какъ будто при смерти свои похороны? Онъ трогаетъ, поражаетъ, проникаетъ; и во всякомъ случаѣ, что бы онъ ни представлялъ, читатель своего спавитъ во всѣ положенія имъ описываемыя.

Проперцій.

Проперцій почень, остроумень, ученень, и по справедливости можетъ именоваться Римскимъ Каллимахомъ; онъ заслуживаетъ сіе названіе по оборотамъ своихъ выраженій, кои заимствоваль онъ обыкновенно у Грековъ. Его элегіи сушь произведеніе самихъ Грацій; и топъ не любитъ ничего изящнаго, кто нечувствуетъ красоты ихъ. Его искусство, его ошдѣлка, его знаніе миѳологіи несравненны; иногда можно сдѣлать ему и упрекъ; но картины его почти всегда нравятся. Заснешъ ли тихимъ сномъ Цинтія? Такова была дочь Миноса, когда она оставленная вѣроломнымъ любовникомъ заснула на берегу моря; или дочь Цефея, когда она освобожденная ошъ ужаснаго чудовища должна была уступить тяготившему ея сну. Проливаетъ ли слезы Цинтія? Нїоба, гордая женщина превращенная въ скалу, никогда столько не плакала. Изображаетъ ли онъ простоту прежнихъ нравовъ? онъ приносить своей подругѣ цвѣты, плоды, грозды съ виноградными вѣшьями. Нако-

нецъ все выражаемое имъ сообразно съ истинною; а гармоническое стопосложене очаровываетъ въ высшей степени.

О в и д и й.

Овидій легокъ, прїямень, обилень, остроумень; онъ обольщаетъ, изумляетъ своею несравненною легкостію. Онъ рассыпаетъ цвѣты полными руками; но онъ умѣетъ черпать изображенія только страстныя; искусственныя украшенія и замысловатость предпочитаетъ языку природы, не заботится о чувствѣ и думаетъ блеснуть только мыслию. Всегда является онъ болѣе остроумнымъ, нежели страстнымъ; шутитъ даже и тогда, какъ изображаетъ предметы самые важныя. Тщешно представляетъ онъ себя погибающимъ отъ бури на кораблѣ несущемъ его къ мѣсту изгнанія; онъ щипаетъ волны нагло стремящіяся одна за другою, и съ хладнокровіемъ десятую называетъ самою большою.

Съ такимъ пїишическимъ слогомъ онъ ничуть не убѣждаетъ меня въ свою

пользу: я не раздѣляю съ нимъ его опасностей; очень вижу что онѣ вымышлены и увѣренъ, что когда онѣ такимъ образомъ говорилъ, то былъ между Сармашиами или по крайней мѣрѣ въ пристани. Словомъ, Овидій болѣе имѣетъ искусственныхъ украшеній и менѣе естественныхъ, нежели Тибуллъ и Проперцій. И хотя онѣ были ихъ совмѣстникомъ; но не столько нравился и не такъ былъ уважаемъ во время Квинтиліана.

Возможность теоріи подражательной гармоніи слова.

Поэтъ живописуетъ словомъ; краски его почти невещественны; и въ минуту появленія исчезаютъ: но за то пѣнь живѣе дѣйствующе онѣ на образованное чувство знаюка.

Языкъ есть матерія для словесныхъ картинъ, и искусство еще никогда не жаловалось на недостатокъ въ краскахъ; а если иногда парящее воображеніе многихъ верхолазовъ, минуя простое пре-

лестное, въ упомленіи оспанавливалось надъ посредственнымъ надупымъ, по виною сему ихъ неискство. Одно полько простое подраженіе изящной природѣ удачно и вѣчно.

Тому, что первобытный человекъ употребилъ для означенія нѣсколькихъ предметовъ и немногихъ замѣченныхъ имъ явленій, какъ первому словесному списку природы, подражали Гомеръ и образцы его. Умъ первобытнаго стихотворца, далекій отъ нынѣшней образованности, былъ далекъ и отъ нашей ответственности. Тонкій слухъ былъ единственнымъ судіею, и натуральное ухо старалось постигать въ словѣ полько ближайшее сходство съ природою.

Таковъ Гомеръ. Виргилій подражая ему подражалъ природѣ, и словесную живопись явилъ во всей ея прелести. Щастливые подражатели сихъ великихъ образцовъ постигли пайну ихъ гармоніи и дали почувствовать соотчичамъ своимъ истинныя красоты стиха.

Нашлись и такіе, которымъ хотѣлось поспорить съ ними въ изображеніи

ихъ же природы. Делиль и Фоссъ по Виргиліевой формѣ вывели Виргиліевы черпты. Они употребили не одинаковый размѣръ; но тѣмъ самымъ доказали, что вся наружная прелестъ стиха зависитъ отъ искуснаго смѣшенія слоговъ, которею одно Французскій безстопный стихъ подъ перомъ Расина, Колардо, Делиля и другихъ впрочемъ очень не многихъ, дѣлается столькоже пріятнымъ какъ и Лашинскій у Виргилія, Тибулла и Горація.

И не удивишельно. Ибо говоря вообще нѣтъ грубаго языка. Матеріальная часть языковъ вездѣ одинакова; и лучшія формы, по которымъ выводятся рѣчь какъ стихотворная, такъ и прозаическая, у образованныхъ народовъ почти ничѣмъ не разнятся. Кажется, возможна теорія подражательной гармоніи слова одна для всѣхъ языковъ (*), тѣмъ болѣе что количество и качество гласныхъ если не во всѣхъ языкахъ одинаковы, по крайней мѣрѣ

(*) Сія мысль пространно изложена мною въ особенномъ трактатѣ о подражательной гармоніи слова, который по совершенномъ окончаніи его не замедлю издать.

существенная разность между ними не большая; ихъ соединенія также простирающся до известнаго степени; и наконецъ одно только искусство можеть сдѣлать языкъ приятнымъ.

Развитіе гармоническаго чувства представленное въ характерахъ четырёхъ Россійскихъ Стихотворцевъ.

(Опрывокъ)

. . . . Я съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ красоты сложенія Ломоносова, Пшрова, Державина и Жуковскаго; и находилъ въ нихъ шже постепенность раскрытія и утонченія пйщического чувства, какая видна въ самомъ ходѣ нашей Литературы и въ успѣхахъ народнаго образованія, шже постепенность копорая видна при раскрытіи гармоническаго чувства въ человекѣ вообще.

Ломоносовъ, водимый болѣе природнымъ побужденіемъ, при небольшихъ способахъ къ усовершенію своего искусства и при столь разнообразномъ занятіи, изо-

бражалъ только пакія черты и картины, копорыя по яркости красокъ, или громкости звуковъ сильно дѣйствовали на его чувства. И хотя ему можно было пользоваться примѣрами древнихъ; но изъ сочиненій его видно, что онъ хотѣлъ подражать имъ единственно въ прозаическомъ краснорѣчьи. Отъ того вы не найдете у него ни остроумныхъ соединеній, ни прелести отъ искусной оштѣлки самыхъ тонкихъ оштѣненій; и то, что намъ доселѣ въ немъ нравится, есть величественное, яркое, шумное, а индѣ и тихое, но какъ противоположность сего послѣдняго, не предполагающее особеннаго искусства.

Въ порывахъ *Петрова* видимъ мы стремленіе возвыситься надъ обыкновенными изображеніями и приблизиться къ языку болѣе пишическому. Это сравнить можно со второю степенью развитія гармоническаго чувства въ чловѣкѣ.

Державинъ, по времени находяся ближе къ намъ, и водимый не однимъ только природнымъ чувствомъ, имѣлъ предъ собою лучшіе образцы. Онъ, предавшись

единственно поэзіи, могъ подробнѣе вникать въ свойства пѣитическихъ изображеній. Самый языкъ въ его время былъ уже подведенъ подъ многія формы и получилъ большую гибкость; а обстоятельства жизни благопріятствовавшія ему поощру болѣе, нежели Ломоносову и Петрову, доставили ему всѣ удобства къ усовершенію своего искусства. Онъ составляетъ третью эпоху въ нашей поэзіи и можетъ представлять третью степень развитія гармоническаго чувства приближающагося къ своему совершенству.

Жуковскій, нашъ современникъ, при натуральномъ чувствѣ, посредствомъ внимательнаго изученія древнихъ и новыхъ образцовъ, замѣчая малѣйшія черты и подробности самыхъ тонкихъ опщненій, возвысился еще въ высшую сферу. Онъ не блистаетъ однѣми только яркими красками какъ Ломоносовъ, не пестритъ своего слога подобно Петрову, не невыдерживаетъ какъ Державинъ; но его сочиненія отличаются ровностію, чистотою и красивоствію слога, которыя въ любимыхъ его

родахъ поэзіи суть одно и поже съ совершенствомъ.

Отдѣлка стиховъ у Виргилія.

(Ошривокъ).

. . . . И какъ бы то ни было вникаль ли во все сіе Виргилій (это говоритъ ся послѣ самаго подробнаго разбора одного мѣста изъ Виргилія, имянно. Вулкановой кузницы), взвѣшиваль ли онъ пакъ ска- зать каждую гласную и согласную, или единственно тонкій ошь природы слухъ его помогаль ему однимъ разомъ выво- дить каждую черту; но въ наши времена мы видимъ, что тѣ кои предаются одно- му полько чувству или лучше непреодо- лимой страсти писать, не занявшись на- передъ внимательнымъ изученіемъ луч- шихъ образцовъ менѣе всего удовлетво- ряють; а тѣ кои въ полной мѣрѣ возхи- щаются насъ, прудились предъ глазами нашими или нашихъ предшественниковъ надъ усовершеніемъ своихъ способностей и вникали во все. Ошь чегожь это про-

изошло? Не ужъ ли устроеніе орудій чувствительности у людей новѣйшихъ времянь не таково, какъ оно было у древнихъ. Или можетъ быть наши чувства какою нибудь чудесною силою сдѣлались тупы и глухи къ сочиненіямъ пѣхъ, кои водяшся полько стихотворнымъ инстинктомъ, и подобно вербовщикамъ подводяшъ мысли свои подъ одинъ станокъ и наряжаютъ ихъ въ риемы?

Я готовъ даже вѣрить, что Виргилій былъ единственно водимъ чувствомъ, когда онъ писалъ свои прекрасные стихи; въ такомъ случаѣ чувство его во всемъ согласовалось съ природою, и онъ не заботясь объ излишнихъ тонкостяхъ, какъ скоро находилъ между словами своими и изображаемымъ предметомъ близкое сходство, потчасъ выводилъ черту или картину.

— Но если мы читая его или какого нибудь другаго великаго писателя, наблюдая ходъ мыслей и переменныя картины, бываемъ еще руководимы основательнымъ познаніемъ малѣйшихъ составныхъ частей слова; то уже не просто полько удивля-

емся прелести стиховъ ихъ, но вмѣстѣ постигаемъ тайну искусства, слѣдуемъ за малѣйшими отпѣненіями отъ пути обыкновеннаго; и такимъ образомъ даже непримѣнно приучаемся сами дѣлать подобно имъ гармоническія соединенія, съ большею легкостію очищаемъ свое собственное чувство, усовершенуемъ свой собственный языкъ. Все это не говоритъ ли въ пользу *Словеснаго Анализа*, и теорія подражательной гармоніи должна ли остаться только пріятною мечшою?

О Рускомъ Экза метрѣ.

Мѣра, употребленная людьми близкими къ первобытной природѣ и сохранившая до нынѣ свою пріятность, должна имѣть существенное достоинство. Древнимъ не нужно было подобно намъ заваленнымъ громадами книгъ о стихотворномъ искусствѣ, пробираться сквозь всѣ сіи мрачныя лабиринты, чпобы потомъ выйти на свѣтъ прелестной простоты облекающей собою величественныя картины природы. Природа и очищенный

слухъ были ихъ единственными руководителями. Будемъ искаать и мы въ составныхъ частяхъ нашего слова близкаго сходства съ општѣненіями натуральныхъ картинъ. Какъ желательна, чтобы изученіе подражательной гармоніи слова было философическою азбукою, которая предшествовала бы изученію самой Словесности взятой во всемъ ея пространствѣ! Пусть тонкій умъ подробнѣе означитъ и сличитъ всѣ отношенія составныхъ частей слова между собою, опредѣлитъ ихъ значеніе по сужденію очищеннаго слуха; пусть онъ намъ дастъ новый курсъ Поэзіи и Риторики, основанный на истинныхъ началахъ человѣческой рѣчи; пусть положитъ прочное основаніе брѣнному составу нынѣшнихъ нашихъ повидимому ежемѣсячно вырастающихъ системъ и курсовъ Словесности.

Покушенія новѣйшихъ стихотворцевъ ввести экзаметрической размѣръ ведутъ насъ къ сему хотя еще непримѣтными пушями. Вникая въ настоящій составъ стиха и не занимаясь одною риемою, они даютъ намъ чувствовать натуральный

ходь рѣчи, и такимъ образомъ приближають насъ болѣе и болѣе къ природѣ.

Нѣмцы, первые свергли съ себя оковы обыкновеннаго стиха. Они почувствовали, что ихъ языкъ способенъ не къ однимъ только ямбаъ и хорейамъ; начали испытывать различныя формы употреблявшіяся у древнихъ, и нашли возможность умножить наслажденія слуха чрезъ болѣе разнообразіе мѣръ. Французы совсѣмъ отчаялись ввести когда либо другую мѣру, отличную отъ принятой и употребляемой ими доселѣ. Италіанскій языкъ, кажется болѣе удобенъ для различныхъ постоянныхъ мѣръ; но читая Тасса, Аріоста и Петрарку, охотно забываешь о всякой другой формѣ.

Возможенъ ли *Русской экза метръ*? Вотъ вопросъ съ нѣкопорога времени занимающій нашихъ либераторовъ-теоретиковъ.

Неудачный опытъ Тилемахиды по видимому отвратилъ предшественниковъ нашихъ отъ сего рода стопосложенія. Многіе смотря съ удивленіемъ на сіе чудовищное произведеніе, рѣшительно гово-

рили, что такая мѣра для Рускихъ стиховъ не годится. Въ новѣйшія времена писатели наши, при болѣе очищенномъ языкѣ и вкусѣ, имѣя при томъ въ виду у себя Нѣмецкихъ экзапетрестовъ, начали думать о томъ, какъ бы мѣру сію представить съ лучшей стороны. Стали появляться въ нашихъ Журналахъ пробные отрывки сего рода стопосложенія, и мы увидѣли предъ собою новое поле занятій.

Но совершенный успѣхъ все еще сомнительнъ; и причины тому, если не ошибаюсь, должны быть слѣдующія:

Большое количество составныхъ словъ, длинныя слова, окончанія падежей (изъ чего впрочемъ писатели наши дѣлаютъ иногда хорошее употребленіе) все это въ Рускомъ экзапетрѣ по необходимости часто встрѣчаясь, дѣлаетъ его несравненно объемнѣе Греческаго и Латинскаго. Сpondeи сихъ послѣднихъ, содѣйствуя большому разнообразію, не затрудняютъ между тѣмъ самаго выговора; только время произношенія слога продол-

жаешся, а орудія рѣчи остаются въ одинаковомъ положеніи.

Мы не имѣемъ сей выгоды, и какъ бы то ни было, произвольно ли она принята и утверждена была всеобщимъ употребленіемъ; но она составляла существенную часть стопосложенія древнихъ; намъ остается только жалѣть, что у насъ ея нѣтъ. Впрочемъ мы не должны опчаяваться дойти другими способами до того, къ чему Греки и Римляне достигли симъ путемъ. Наша элементарная просодія, основанная на существенныхъ качествахъ составныхъ частей слова, ощупительная, при взаимномъ ихъ сличеніи, во всѣхъ языкахъ, и равно понятная для всѣхъ народовъ, останется не измѣнною выключая не большія могущія современемъ произойти отступленія въ тончайшихъ опшнненіяхъ произношенія нѣкошорыхъ буквъ, какъ это послѣдовало съ Греческимъ, Латинскимъ и другими древними языками.

Такимъ образомъ, вникая подробнѣе въ нашу элементарную просодию, мы еще находимъ возможность близко подойти къ древнимъ; и надѣемся что современемъ

и у насъ будетъ хорошій экзаметръ хотя безъ спондеевъ (*). Но мы ихъ, правда по всей необходимости, между пѣмъ довольно удачно, можеть замѣнять во всякомъ случаѣ соспавными слогами большаго объема.

Желательно, чтобы покрайней мѣрѣ древнѣе (для перевода келорыхъ преимущественно и нуженъ экзаметръ) были у насъ переведены стихами сего рода. Такиимъ только способомъ можно дать лучшее понятїе пѣмъ, кому неизвѣстны Греческїй и Лашинскїй языки. Оцъ Гг. Гндича и Воейкова мы съ нетерпѣнїемъ ожидаемъ сего удовольствїя; они преимущественно, какъ это можно видѣть изъ ихъ опытовъ, избрали для себя сіе по-

(*) Вотъ единственные четыре случая для соспавленія Рускихъ спондеевъ: а) два долгія односложныя слова; б) долгія окончательный въ преддущемъ словѣ и долгія односложный; в) долгія односложный и долгія начальныя слога въ послѣдующемъ словѣ, наконецъ д) долгія окончательный и долгія начальныя слога двухъ рядомъ стоящихъ словъ. Но часто ли случается дѣлать изъ сего употребленіе?

прище. Мы надѣмся, что они окажутъ нашей словесности такую же услугу, какую оказалъ своей Нѣмецкой, переводчикъ Гомера и Виргилія, Фоссъ.

Какъ должно переводить Древнихъ?

Вообще жалуются на трудность переводить древнихъ, при всей ихъ натуральной простотѣ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего труднѣе какъ переводить ихъ стихъ въ стихъ; но спрашивается теперь: можноли позволить въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлать отступленія, и по что у автора представлено въ четырехъ стихахъ представлять въ шести и на оборотъ?

Принявши нашъ обыкновенный размѣръ, можно еще нѣкоторымъ образомъ допустить отступленія перваго рода, т. е. иногда вмѣсто четырехъ употребить пять или шесть стиховъ. Но когда мы древнихъ переводимъ ихъ же размѣромъ; то предполагается, что мы имѣемъ довольно пространства для помѣщенія ихъ картины: пусть какъ и во всякомъ дру-

тѣмъ случаѣ, все зависитъ отъ искусства, съ какимъ это отдѣлывается. При томъ же не нужно ни сокращать ни разпягивать изображеній автора, особенно въѣзныхъ изъ дѣйствительной природы. Ибо предполагается, что онъ с'полько употребилъ нужныхъ элементовъ (составныхъ частей слова) для каждой черты, сколько потребно ихъ было для того чтобы удовлетворить слуху. Не може ли долженъ сдѣлать и переводчикъ, дабы равнымъ образомъ удовлетворить слуху своего читателя? Слѣдовательно, не одинаковое ли количество надобно ему взять красокъ слова и налагать ихъ такъ какъ это сдѣлано въ подлинникѣ. Въ семъ отношеніи на переводчика ландшафтныхъ стихотвореній смотрю я какъ на вѣрнаго списывателя картинъ настоящей живописи. Дѣло писателя въ первомъ и дѣло живописца въ другомъ случаѣ было — *изобрѣсть* предмѣты предполагаемые для картины, расположить ихъ и облечь приличнымъ образомъ: дѣло переводчика и описывателя картины состоятъ въ томъ,

чтобы удержать разположеніе и облече-
ніе такъ какъ они находятся въ подлин-
никахъ. угадывая при помѣ каждое на-
мѣреніе авшора.

Капризъ.

Пріятно видѣть, какъ нѣкоторые хо-
тятъ, чтобы *Русское* было растворяемо
Славянскимъ. Но къ несчастію въ сочи-
неніяхъ тѣхъ, кои стараются слѣдовать
сему правилу, видимъ мы по большой ча-
сти смѣшную *лѣлню* словъ. Они думаютъ
облагородить свой обыкновенный языкъ
неумѣстною вставкою *великолѣльныхъ*
словъ и выраженій Славянскихъ.

Надобно умѣть сливать оба идіотиз-
ма. Пусть Славянское слово или выраже-
ніе теряется между Рускими а не вы-
ставляется изъ нихъ; пусть Рускіе сло-
ва лѣнутъ къ нему, а не толкаются объ
него; иначе рѣчь всегда *будетъ шерохо-
вата*.

Смѣтиже всего видѣть наборъ гром-
кихъ словъ, по большой части Славян-
скихъ, въ какой нибудь торжественной

одѣ, въ какомъ нибудь гимнѣ. Жалкій авторъ думаетъ, что съ нимъ вся природа гремитъ, реветъ и бурлитъ; когда онъ ломаетъ нашъ языкъ своею *лѣднєю* или мучитъ слухъ нашъ злобнымъ воемъ *огрызающихся* словъ, которыя тщетно стараются примирить его уродливое воображеніе. И часто въ то время какъ у него въ головѣ производятъ борьбу стихіи, въ стихахъ его борются слова; — неугомонныя, они выводятъ изъ терпѣнія бѣднаго читателя!

„Чтожь дѣлать? гдѣ намъ учиться? — вопіюшь нѣкоторые — Молодой Французскій авторъ учится тонкостямъ своего языка у женщинъ; Руской куда ни повернись вездѣ слышитъ Французской языкъ? Когожь обвинять въ эшомъ? — нѣкоторые говорятъ: большую часть мужей, а другіе — скороспѣлыхъ авторовъ.

Молодая Руская Дама (будтобы, и кто подумаетъ чтобы это относилось ко вѣщамъ?) находитъ въ библиотекѣ своего мужа порядочное собраніе Французскихъ книгъ; между ними кое-гдѣ по угламъ по-

падаются и Рускія. Какія же, думаете вы? *Политическія* по словамъ мужа, на примѣръ: *Театръ войны противъ Французовъ, Сонъ Бонапарта, Разговоры въ царствѣ мертвыхъ* и пр. и пр. и даже стихотворныя, подобныя поэмѣ *Лелетнева*, которыми въ прошлыя войны наводнились наши книжныя лавки, и о которыхъ кажется нельзя даже сказать и того, что сказалъ Вольтеръ о Журналахъ.

Мужъ, которому нѣкогда и который иногда не хочетъ, по произхожденію своему, заняться образованіемъ вкуса, покупаетъ у разнощиковъ за дорогую цѣну такія рѣдкости и спокойно ставитъ ихъ на полочки въ своихъ шкафахъ. Жена, которая по большой части разборчивѣе другой своей половины, находитъ книгу, смотритъ заглавіе, перевертываетъ страницу, читаетъ нѣсколько строкъ и вышедши изъ терпѣнія бросаетъ; она берется за другую, третью и т. д.; при каждой перемѣнѣ происходятъ подобныя явленія! Чтожь ей дѣлать? Она отдыхаетъ на какомъ нибудь порядочно переве-

деннемъ романѣ; хорошей Французскій, рѣдко, рѣдко Нѣмецкій авторъ успокоиваетъ ее; наконецъ при чтеніи нѣсколькихъ лучшихъ пѣсокъ Рускихъ она мирится съ нашею Словесностію.

Гдѣжь найти Руской дамѣ сильный, выразительный и крапкій языкъ? Наши духовныя книги имѣють свое достоинство; но приличенъ ли церковный слоѣ общежитію? естлибы сдогъ юридическихъ, физическихъ и подобныхъ сочиненій былъ и чище; то и тогда разговорный языкъ не много бы выигралъ. Исторіи наши (*) въ кошорыхъ читатель и читательница могли бы почерпнуть еполько сокровищъ для своего языка, написаны не такъ чтобы могли льстить слуху и очаровывать его. Мы хвалимся нашими лириками: безспорно, они прекрасны; но опять, говорятъ ли такимъ языкомъ? Гдѣжь у насъ языкъ простой, натуральный — но богословскій, не юридическій, не лирическій? Гдѣ языкъ сердца?

(*) Сочинитель еще не читалъ Истории Карамзина.

— Вамъ покажутъ маленькое собраніе лучшихъ опривковъ въ стихахъ и прозѣ, изъ которыхъ вышла бы очень тоненькая книжка: вы читаете ихъ, любуетесь; но не успеете перевернуть нѣсколько листочковъ, уже и конецъ!

Не въ шутку,

или

*Взглядъ на нынѣшнее состояніе нашей
Словесности.*

(Слѣдующая статья составлена мною по случаю разныхъ сужденій о *Живописной Прозѣ*, подъ именемъ которой помещаемы были въ каждой книжкѣ Украинскаго Вѣстника 1816го года картинныя мѣста изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ: нѣсколько таковыхъ пїесъ въ слѣдъ за сею статью представляется на сужденіе образованнаго читателя.)

Нѣкто изъявилъ мнѣ свое удивленіе: почему въ нашемъ Журналѣ такъ мало оригинальныхъ сочиненій; а все большею частію переводы? Я могъ бы на это отвѣчать ему очень коротко: во всякое вре-

мя, особенно же при нынѣшнемъ состоянїи нашей словесности, лучшій иностранный отрывокъ удачно переведенный полезнѣе джжины толстыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ. Но я удержался отъ слишкомъ рѣзкаго тона, и объяснилъ причину сего почти такъ, какъ шеперь буду излагать ее моимъ читателямъ. Онъ подумалъ и согласился, надѣюсь что многіе будутъ одного съ нимъ мнѣнїя.

Волперъ говоритъ: „когда какая нибудь нація начинаетъ выходить изъ первобытной своей грубости; по съ удивленїемъ (чуть было забавный спарикъ не сказалъ: разинувъ ротъ) смотришь, какъ Аврора своими алыми перстами отверзаетъ врата востока и разсыпаетъ топазы и рубины по пуши солнца, какъ Зефиръ вьется около Флоры и Амуръ играетъ оружіемъ Марса.“ Благоразумный порицатель нашей Живописной Прозы могъ бы сказать то же самое и о нашей Словесности (*). Самъ показалъ бы, онъ что

(*) Въ Журналѣ замѣчено было, что здѣсь разумѣлась Словесность Украинская.

у насъ нѣтъ еще *вѣрнаго* вкуса, (но вмѣстѣ призналъ бы въ насъ *стремленіе* къ пріобрѣтенію онаго; и мы остались бы ему крайне благодарны за его къ намъ вниманіе.

Но до насъ доходили двоякаго рода отзвыы: ласкныя отъ людей конечно понимавшихъ нашу цѣль, и въ поже время ропотныя отъ нѣкоторыхъ. . . Намъ легко можно было заглушить сей ропотъ громкою жалобою на всеобщій недостатокъ въ хорошихъ оригиналахъ и упреками совершенному — впрочемъ не противуестественному равнодушію тѣхъ, для кого наши писатели проливають потъ и чернила; но это было бы горестнымъ для насъ утѣшеніемъ. Или мы, по обыкновенію раздраженныхъ критиками, а иногда и справедливо негодующихъ на нихъ авторовъ, могли бы обратиться къ строгимъ судіямъ нашимъ, и въ свою очередь возопить къ нимъ: дайте намъ лучшіе образцы; покажите, что вы сами въ сошюяніи сдѣлать по сей части!

Но удовольствуемся простымъ изображеніемъ нынѣшняго хода нашей Ли-

терапии вообще; а съ симъ вмѣстѣ откроемъ и планъ, по которому дѣйствовали мы въ отношеніи къ нашей Живописной Прозѣ.

Нынѣшняя Руская Словесность явнымъ образомъ дѣлится на три школы: одна извѣстна подъ именемъ *Славянолюбцевъ*, куда противники ея относятъ и всѣхъ вообще худыхъ писателей по тяжелому слогу своему не могущихъ успѣвать за легкою толпою послѣдователей другой школы, не справедливо именуемой отъ своихъ антиподовъ школою Карамзинистовъ: ибо сіи послѣдніе водятся однимъ фантомомъ (если пакъ можно выразиться) сего великаго Писателя; п. е. подражая только легкости слога его, а не усиляемъ; кои употребилъ онъ на улучшеніе своего способа писать. Къ счастью мы уже очень рѣдко слышимъ теперь сихъ пшашекъ.

Кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ есть еще у насъ третій классъ писателей, у которыхъ нѣтъ ни дѣйствительнаго ни мнимаго начальника; но зато есть свое

уложеніе, ш. е. правила здраваго вкуса, основанныя на примѣрахъ древности и времянь новѣйшихъ. Не имѣя тѣсной между собою связи (имъ не нужно быть страшными, чтобы имѣть вліяніе), они дѣйствуютъ совокупно, стремятся къ одной цѣли, и составляютъ истинное, къ сожалѣнію, столь еще малочисленное общество истинныхъ Рускихъ Литераторовъ.

Есплибы небольшому количеству сихъ писателей можно было дать имя школы; по въ ея Начальникѣ желаль бы я видѣть подобнаго слишкомъ рано похищенному у нашей Словесности *Муравьеву*, кошорый пріятностямъ своего языка (что безъ сомнѣнія нашимъ Славянамъ покажется очень страннымъ) учился изъ классической Литературы другихъ народовъ. Такимъ же образомъ усовершились и прочіе почешнѣйшіе изъ нашихъ Писателей; и естли еще не всѣ они оказали равныя услуги нашей Словесности; по по крайней мѣрѣ всѣ сходятся между собою въ томъ, что съ одинакою ревностію стремятся къ одной цѣли, употреб-

ляютъ одинаковыя средства, а по тому изаслуживаютъ отъ насъ равную признательность.

Если бы сей классъ писателей нашихъ былъ многочисленнѣе (но онъ не можетъ разложаться по примѣру двухъ другихъ, ибо требуетъ особенныхъ зачатій и, что еще важнѣе, большей проницательности); то мы имѣли бы уже довольное число образцевъ и на нашемъ языкѣ.

До сихъ поръ школа сія поддерживается людьми истинно преданными изученію древней и новой Словесности, занимающимися въ тишинѣ кабинета и при изданіи своихъ сочиненій неимѣющимъ никакихъ другихъ видовъ, кромѣ желанія нравиться своимъ читателямъ и быть имъ полезными.

И такъ всякой изъ нашихъ писателей (хотябы онъ велъ только свои домашнія записки) долженъ по всей необходимости принадлежать къ копорому нибудь изъ сихъ трехъ классовъ. Нѣсколько опытовъ нами сдѣланныхъ, читателямъ

нашимъ довольно уже показали, къ какому классу изъ сихъ мы хотѣли бы принадлежать. Скажу яснѣе: мы не хотимъ писать для покойныхъ предковъ нашихъ; для нихъ довольно было и современной имъ гармоніи; а по тому не принадлежимъ къ первому: не хотимъ разнѣживать и упомлять нашихъ чипапелей; а потому добровольно исключаемъ себя изъ списковъ впораго. Но всѣ силы употребимъ на то, чтобы сдѣлаться достойными претвяго.

Теперь выразимся еще яснѣе касательно нашей Живописной Прозы.

Мы выбирали лучшіе иностранные отрывки, признанные отъ тѣхъ націй на языкѣ коихъ они писаны класическими; и изъ сихъ особенно брали *картинныя мѣста*. Всякой кто только имѣетъ понятіе о подражательной гармоніи, знаетъ, что въ изображеніи натуральныхъ чертъ языки особенно сходны между собою, а потому, переводя сіи отрывки, мы употребляли всевозможное страніе — при сохраненіи свойствъ Рускаго языка — соблюдая всю гармонію подлинниковъ и

тѣмъ сколько нибудь содѣйствовать къ приведенію нашего языка въ лучшія формы.

Вольтеръ, не знавшій по Руски, говоря вообще о гармоніи языковъ, сказалъ: „И Руской языкъ, который есть ничто иное какъ смѣсь Славянскаго со многими Греческими и Ташарскими словами, кажется мелодическимъ для Рускаго слуха.“ Вольтеръ въ тогдашнее время былъ правъ; но и насъ пусть не винить онъ въ томъ, что мы для него не много опоздали. При томъ посмотримъ и на Нѣмцовъ, что былъ ихъ языкъ лѣтъ за пятьдесятъ? Фоссъ, Виландъ, Гете, Шиллеръ, Гердеръ и еще нѣсколько другихъ новѣйшихъ писателей сдѣлали его гибкимъ и способнымъ принимать всякія формы. Они не изобрѣли новыхъ словъ; матеріяль надъ которымъ они трудились, былъ тотъ же что и обработыванный современниками Опица и даже Лютера. У когоже учились они хорошему слогу? У древнихъ и современныхъ имъ народовъ Англичанъ и Французовъ.

Въ нынѣшнее время и Вольтеръ (хотябы онъ не болѣе тогдашняго зналъ

нашу словесность) конечно примирился бы съ Рускимъ языкомъ; когдабъ ему прочли какой нибудь гармоническѣй отрывокъ прозы *Карамзина* и лучшую пѣску, на примѣръ, *Элизіумъ* или *Мою Богиню Жуковскаго*.

Все идетъ по степенямъ; но сѣи степени болѣе или менѣе удобны, бывають для восхожденія. Французы, Англичане и Нѣмцы, кромѣ Италіянскаго языка, который впрочемъ не могъ имъ представить образцевъ во всѣхъ родахъ, должны были особенно заниматься древними языками, чтобы усовершить свой собственный. У нихъ не прежде начали появляться хорошія оригинальныя сочиненія, какъ въ то время, когда уже почти всѣ древніе Авторы были переведены на ихъ языки. Такое изученіе древней Словесности у тогдашнихъ Французовъ и другихъ народовъ могло быть полезно для собственно такъ называемыхъ ученыхъ; свѣтскіе же люди не могли изъ того сдѣлать себѣ никакого употребленія въ отношеніи къ улучшенію собственнаго языка. Мы съ этой стороны имѣемъ больше выгодъ передъ ними: намъ

теперь одни живые языки могутъ уже доставить довольное количество примѣровъ для всѣхъ родовъ Словесности. А поелику у насъ знаніе живыхъ языковъ, особенноже Французскаго и Нѣмецкаго сдѣлалось необходимостію; по чему, если бы наши молодые люди (кажется не нужно говорить, что здѣсь разумѣются высшіе классы) изъ коихъ рѣдкой не знаетъ по крайней мѣрѣ по Французски, при машинальномъ такъ сказать занятіи въ сихъ языкахъ употребляли болѣе вниманія и вниканія; то мы уже и чрезъ то много бы выиграли. Впрочемъ теперь нельзя уже о молодыхъ Рускихъ Дворянахъ сказать того, что сказано было о нихъ иностранцами лѣтъ за пятнадцать: „Молодые Рускіе, зная почти всѣ по Французски, могли бы образоваться изъ чтенія пѣсень и другія бездѣлки; впрочемъ и на это чтеніе нѣтъ у нихъ другаго времени, какъ развѣ когда они убираются; туалеть есть ихъ главное занятіе.“

Но за такія сужденія иной, думаю, давно уже пожаловалъ меня въ *чужезычники*;

прощаю такому отъ всего сердца. Пусть онъ пишетъ для почтенныхъ своихъ прадѣдовъ; а намъ нужно говорить съ своими современниками, которые безъ сомнѣнїя увѣрены въ истинѣ слѣдующихъ словъ сказанныхъ въ началѣ сей спашби: во всякое время, а особливо при нынѣшнемъ состоянїи нашей Словесности, лучшей иностранной отрывокъ удачно переведенный, прїяшнѣе и полезнѣе дюжины шолспыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ.

1.

*Зрѣлище прекрасной ночи въ пустыняхъ
Новаго Свѣта.*

Чрезъ часъ послѣ заходженїя солнца луна показалась надъ деревьями; на противуположномъ горизонтѣ, благовонный вѣтерокъ, который она несла съ собою, казалось предшекъ ей въ лѣсахъ какъ ея свѣжее дыханїе. Царица ночей мало по малу возходила на небеса: шо мирно шепсовала она по своему лазурному пупи; шо покоилась на грудахъ облаковъ, кои подобились вершинамъ высокихъ горъ у-

вѣнчанныхъ снѣгомъ. Сїи облака, свертываясь и развертываясь, разкапывались на подобіе прозрачныхъ бѣлоатласныхъ поясовъ, разсѣявались въ видѣ легкихъ клочковъ пѣны, или образовали на небесахъ ряды бѣлѣющей ваты столь прїятной для глазъ, что кажется чувствуешь ея мягкость и упругость.

И на землѣ зрѣлище было не менѣе восхитительно: голубоватый сумрачный свѣтъ луны спускался въ промежутки деревь и бросалъ свои лучи въ густоту самой глубокой тѣмы. Рѣка протекавшая у моихъ ногъ, по терялась въ лѣсахъ, но появлялась опять въ полномъ блистанїи созвѣздїй отсвѣчивавшихся на ея лонѣ. По другую сторону сей рѣки, въ обширномъ полѣ лунный свѣтъ недвижно покоился на муравѣ. Чуть колеблемыя вѣтерками и разсѣяныя по лугу березы образовали плавающія острова тѣней на тихомъ морѣ свѣта. Вокругъ все было тихо и спокойно; развѣ упадешь нѣскольکو листьевъ, съ шорохомъ промчишься нечаянный вѣтерокъ, развѣ изрѣдка прерывисто просонеть сова; но вдали по

временамъ слышны были величественные раскаты водопада Ниагары, кои въ тишинѣ ночи раздавались по пустынямъ и изчезали въ уединенныхъ лѣсахъ.

2.

Темлейская Долина.

Горы покрыты пополями, яворами, ясенями чрезвычайно красивыми. Изъ подъ нихъ бьютъ ключи свѣтлой какъ кристалль воды; а изъ промежутковъ ихъ вершинъ вѣетъ прохладный воздухъ, коимъ дышешь съ пайной сладостію. Рѣка представляетъ почти вездѣ тихій каналъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объемлетъ маленькіе острова, коихъ зелень дѣлаетъ вѣчно-юною. Пещеры пробитыя въ нѣдрахъ горъ, мурава разостланная по обѣимъ сторонамъ рѣки кажутся убѣжищемъ покоя и забавъ. Болѣе же всего удивилъ насъ нѣкоторый умъ примѣтный въ разпредѣленіи убранствъ украшавшихъ сіе уединеніе. Въ другомъ мѣстѣ искусство старается подражать природѣ; здѣсь, скалибы, природа желаетъ подражать иску-

ству. Лавры и другія деревья сами составляютъ бесѣдки и рощи, кои производятъ прекрасную противоположность съ чащами при подошвѣ Олимпа. Скалы покрыты плющемъ, а деревья украшены растѣніями кои вьются около ихъ пней, переплетаются съ ихъ вѣтвями и спускаются на подобіе фестоновъ и гирландъ. Наконецъ, въ сихъ прекрасныхъ мѣстахъ, все представляетъ виды самыя пріятныя; со всѣхъ сторонъ глазъ, кажется, вбираетъ прохладу, а душа получаетъ новую жизнь.

3.

Лилія и Роза.

Скажите мнѣ, дѣти грубой, черной земли: кто вамъ далъ вашъ прелестный видъ? Конечно васъ образовали прекрасныя пальчики. Какіе маленькіе духи вылетали изъ вашихъ чашечекъ? И какое удовольствіе чувствовали вы, когда богини качались на вашихъ листочкахъ? Скажите мнѣ, мирныя цвѣточки, какъ дѣлили онѣ пріятное свое занятіе, когда

улыбаясь одна другой, столь разнообразно украшали и вышивали свою ткань?

Но вы молчите, мои милые, и наслаждаетесь своимъ бытїемъ! Такъ я расскажу вамъ то, что вы ошъ меня шайте.

Когда земля представляла еще столько обнаженную скалу; то низпустился на нее сонмъ прелестныхъ Нимфъ и благодѣшельныхъ Генїевъ, чтобъ ее украсить. Они раздѣлили между собою занятїя. Еще подъ снѣгомъ, въ холодной шравкѣ, *Кротость* образовала фїалку; ей послѣдовала *Надежда*: она наполнила прохладительнымъ благовонїемъ чашечки оживляющаго гїацинта. Потомъ явился цѣлый рядъ красивыхъ цвѣтшвъ: шущъ поднялъ свою головку шюльпанъ, и нарциссъ бросилъ вокругъ себя томные взгляды.

Многїя другїя Богини и Нимфы занимались различнымъ образомъ; и, украшая землю, любовались прекрасными своими изображенїями.

Когдаже большая часть ихъ шворенїй опцвѣла вмѣстѣ со славою и удовольствїемъ ихъ; то Венера сказала своимъ Грацїямъ: „Чтошъ вы медлите, подруги кра-

сопы? Сопките и вы себѣ также изъ своихъ небесныхъ прелестей видимый цвѣпокъ.“ Онѣ спустились на землю, и Аглая — Грація невинности — образовала лилію; Талія и Евфросина дружною рукою сопкали цвѣпокъ любви и радости — прекрасную розу.

Многіе изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣповъ завидовали другъ другу, лилія и роза никому; но еще привлекали на себя зависпливые взгляды другихъ. Дружественно цвѣшуть онѣ вмѣстѣ на поляхъ *Горы* и украшаютъ ихъ собою: ибо онѣ сопканы дружною рукою сестръ-Грацій.

4.

Аполлонъ Бельведерскій.

Изъ всѣхъ древнихъ сшатуй избѣгнувшихъ ярости варваровъ и могущества времени, Аполлонова безпорно естъ изящнѣйшая. Художникъ образоваль сѣ твореніе по идеалу, и вещества употребиль не болѣе, какъ сколько потребно было на то чшобы облечь свою мысль. Сколько описаніе Аполлона сдѣланное Гомеромъ превосходитъ описанія сдѣланныя другими сшихо-

творцами; столько сіе изображеніе превосходитъ всѣ другія изображенія сего же самаго Бога. Ростъ его выше человѣческаго; положеніе величественно. Вѣчная весна, подобная царствующей въ щастливыхъ поляхъ Елисейскихъ, облакаетъ его прекрасное тѣло любезной юностію и блистаетъ съ пріятностію въ тонкомъ строеній членовъ. Чшобы чувствовать все достоинство сего образцоваго произведенія искусства; пощитесь проникнуть въ область невещественныхъ красотъ и сдѣлайтесь, еспли можно, творцемъ небесной природы; ибо тутъ нѣтъ ничего смертнаго, нѣтъ ничего подверженнаго человѣческимъ нуждамъ. Въ семь тѣлѣ не разгорячаются жилы, нервы не напрягаются: небесный духъ какъ тонкій паръ обращается во всѣхъ округлостяхъ этой удивительной фигуры. Богъ сей преслѣдовалъ Питона, противъ котораго онъ въ первый разъ напрягъ свой ужасный лукъ: въ быстромъ стремленіи своемъ онъ его настигъ и нанесъ ему смертный ударъ. Въ выпренней радости, божественный взоръ его, кажется, проникаетъ въ беско-

нечность и простирается далѣ побѣды. Презрѣнїе видно на губахъ; негодованїе коимъ онъ дышетъ, надуваетъ его ноздри и восходитъ до бровей; но вѣчный неизмѣняемый миръ напечатлѣнъ на его челѣ; и взоръ его исполненъ прїятности, какъ будтобы онъ находился посреди Музъ его ласкающихъ. Изъ всѣхъ изображеній Юпитера намъ оставшихся, вы ни въ одномъ не увидите отца боговъ такъ близкимъ къ тому величїю, съ каковымъ онъ являлся нѣкогда уму Гомера, какъ въ чертахъ представляющихъ здѣсь его сына. Особенности красоты всѣхъ боговъ соединены въ семь образѣ какъ въ образѣ Пандоры. Сїе чело — Юпитера заключающее въ себѣ богиню мудрости; сїи брови манїемъ являютъ его волю: это большїе глаза царицы богинь; а уста его — тѣ самыя кои вдыхали страхъ въ милаго Ъранхуса. Прекрасные волосы, подобные нѣжнымъ опрыскамъ виноградной лозы, волнуются около его головы, какъ бы колеблемы тихимъ дыханїемъ Зефира. Они, кажется, намащены благовонїемъ боговъ, и небрежно накинута на вершину головы его ру-

кою Грацій. При видѣ сего образцоваго произведенія забываю весь міръ; чтобы съ большей важностію созерцать его, самъ я принимаю благородный видъ. Опъ удивленія перехожу къ изумленію; чувствую, грудь моя расширяется и поднимается, какъ у шѣхъ копорые исполнены духомъ пророчеслвѣ; я переносусь въ Делось и въ священныя роци Ликеи — въ тѣ мѣста, кои Аполлонъ чпиль своимъ присутствіемъ. Образъ стоящій передъ моими глазами, кажется, начинаетъ двигаться; какъ нѣкогда красавица родившаяся изъ подъ рѣзца Пигмаліонова. Но какъ описать тебя, неподражаемое твореніе? Надобно, чтобы само искусство воодушевило меня и водило перомъ моимъ. Черты изображенныя мною повергаю къ ногамъ твоимъ; подобно тѣмъ, кои не могли достать до головы божества ими поклоняемаго, оставляющъ уногъ его вѣнцы, кои они хотѣлибы возложитъ на него.

Лилия и Роза.

Чтобы дать понятіе о свойствахъ какого нибудь цвѣтка, ботанисты показываютъ его засохшимъ, блѣднымъ и простертымъ въ гербаріѣ. Узнаю ли я въ семь видѣ Лилию? Не на берегу ручья должно удивляться царицѣ долинь, когда она посреди другихъ травъ возвышаетъ свой величественный стебель и освѣчиваетъ въ водахъ чашечки бѣлѣйшія слоновой кости? Сія бѣлизна дѣлается еще блистательнѣе, когда изпещряютъ ее, подобно коралловымъ капелькамъ красненькіе жучки съ черными пятнышками, ищущіе почти всегда въ ней себѣ убѣжища. — Кто въ засохшей Розѣ узнаетъ царицу цвѣтовъ? Чтобы она явилась вамъ предметомъ любви и размышленія, для сего надобно видѣть ее тогда, какъ она выходя изъ влажной расщелины скалы блеститъ въ своей зелени, тихо колеблется на стебелькѣ усѣянномъ шипами и манишьъ себѣ цвѣтомъ и благовоиємъ своихъ

почипателей. Иногда шпанская мушка-украшаетъ ея вѣнчикъ своею изумрудною зеленью, и ея багрянецъ дѣлается еще ярче. Тогда сей цвѣшокъ, кажешся, говоришь намъ: что онъ какъ символъ утѣхъ и удовольствій, по своимъ прелестямъ и скоротечности, носитъ подобно имъ и опасность вокругъ себя, разкаянїе въ своемъ нѣдрѣ.

64

Пѣніе птицъ.

Природа имѣетъ свои торжественныя времена, для которыхъ сзываетъ она пѣвцовъ со всехъ странъ свѣша. Тутъ еробируются оповсюду искусные музыканты съ удивительными сонатами, скипающіеся трубадуры съ маленькими балладами, странники повторяющіе тысячу, разъ куплеты своихъ длинныхъ пѣсень. Иволга свищетъ, голубь воркуетъ, ласточка щебечетъ: первая сидя на высокой вѣтви вяза хочетъ оспорить нашего дрозда ни въ чемъ не уступающаго сей пришелицѣ; другой, скрывшись въ листьяхъ дуба, го-

нитъ вдаль свое прїятное воркованье, подобно волнистымъ звукамъ рога отзывающагося въ лѣсахъ; претя наполняешь слухъ нашъ своимъ смѣшаннымъ пѣнїемъ точно также какъ и во времена добраго Эвандра. Красношейка поетъ свою пѣсенку, сидя надъ дверьми житницы, гдѣ она свила себѣ большое мшистое гнѣздо. Одинъ соловей не хочетъ, чтобы голосъ его шерялся посреди сей симфонїи; онъ ожидаетъ, пока ночь приведетъ съ собою молчанїе, и беретъ на себя ту часть праздника, которая должна быть совершаема во мракѣ повсемственныхъ пѣнней.

Выavajuтъ таинственные часы, когда первое спокойствїе наступающей ночи возмущается еще послѣднимъ шумомъ дня, глухо отдающимся по скаламъ, берегамъ рѣкъ; по лѣсамъ и долинамъ; когда горизонтъ еще нѣсколько освѣщенъ, но земля уже покрывается густымъ мракомъ. Въ сіе мгновенїе природа съ своими дремучими лѣсами, вершины коихъ осыпающа послѣднимъ блескомъ дня, по-

добитая древнему храму, коего олтарь приосвяненъ священной шемною, между шѣмъ какъ круглый его куполь, возносящійся подъ облака, блеститъ еще отъ лучей солнца. И въ сію-то минуту Филомела настраиываетъ свои первые звуки. Когда въ лѣсахъ умолкнуть всѣ голоса, ни травка, ни листокъ болѣе не шевелился; луна взоидеть на небо, и человѣкъ сдѣлается, особенно внимателенъ ко всему его, окружающему: тогда первый пѣвецъ шворенія начинаетъ возглашать свои гимны Вседержителю. Вдругъ голосъ его дробится въ яркихъ отголоскахъ радости, пошомъ приходитъ въ безпорядокъ; отъ полныхъ тоновъ переходитъ къ рѣзкимъ, отъ тихихъ къ громкимъ: онъ ошпанавливается, медлитъ, оживляется опять и опять выражаетъ восторги сердца пренещущаго отъ любви. Но вдругъ тоны его, ослабѣваютъ и соловей умолкаетъ. Вотъ онъ, начинаетъ снова... Какая перемѣна въ его пѣннн! Какъ нѣжна теперь его мелодія! То слышатся томныя хотя разнообразныя ошпшенія звуковъ; то безъ всякихъ перемѣнъ, ведетъ онъ свой

голосъ однопонно, подобно древнимъ Французскимъ романсамъ — симъ образцамъ простоты и меланхолїи.

Пѣнїе можеть также часто означать печаль какъ и радость. Птица, потерявшая своихъ птенцевъ, поеть еще; еще повторяеть она пѣсню своихъ щастливыхъ временъ, потому что другой она и незнаеть. Съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, задумчивая пѣвица только перемѣнитъ ключъ, и звуки радости превращаюцца для нея въ пѣснь унынїя.

Нехотящїе признать челоуѣка владыкою природы желали бы также доказать, что нѣтъ въ ней ничего такого, что бы сотворено было исключительно для него: но пѣнїе птицъ такъ принаровлено къ нашему слуху, что мы какъ бы ни досаждали симъ обитателямъ лѣсовъ, разоряя ихъ гнѣзды, преслѣдуя ихъ, поражая и разсавляя сѣти, мы имъ не можемъ ни досадить, ни принудить ихъ къ молчанїю. Вопреки намъ, онѣ насъ услаждаюць, исполняя законъ природы; а заключенныя въ нашихъ домахъ, онѣ еще болѣе разнообразяшь свое пѣнїе. Конечно

есть какая-то пайная гармонія въ несчастіи; ибо всѣ несчастные склонны къ пѣнію. Наконецъ, жестокій пшцеловъ выкалываетъ глаза соловью, но его пѣніе дѣлается еще пріятнѣе: сей Гомеръ птицъ живетъ однимъ только пѣніемъ, онъ, потерявши зрѣніе, сославляетъ пѣсни еще прекраснѣйшія.

7.

Соловей.

При семъ имени всякой хорошо образованный человекъ приведетъ себѣ на память ту весеннюю ночь, когда онъ подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, въ безмолвіи внимающей природы, съ восхищеніемъ слушалъ пѣніе сего пѣвца лѣсовъ. Голосъ нѣкоторыхъ птицъ можно сравнивать съ голосомъ соловья; ихъ можно также съ удовольствіемъ слушать, но тогда какъ соловей молчитъ у однѣхъ тоны столько же пріятны; у другихъ ошпѣненія столько же чисты и даже чище; у иныхъ переливы не менѣе обольстительны; но каждую изъ нихъ соловей пре-

восходитъ полнымъ соединеніемъ различныхъ дарованій и чудеснымъ разнообразіемъ своихъ пѣсней. Цѣлая пѣснь каждой изъ оныхъ пщицъ, во всей ея полнотѣ, составила бы одинъ только куплетъ пѣсни соловья. . . .

Приготоваяется ли сей пѣвецъ весны пѣть гимнь природѣ? — Онъ начинается робкими, слабыми, почти нерѣшимыми тонами, какъ бы желая попытаться и только занять своихъ слушателей; но потомъ, ободряясь, одушевляясь постепенно, воспламеняется; и вскорѣ разкрываетъ во всей полнотѣ свой несравненный органъ: голось его громокъ; игра жива и легка, пѣніе льется и въ его переливахъ всегдашняя чистота; внутреннее урчаніе глухое, едва постижимое слуху, но весьма способное увѣличить свѣшлость внятныхъ тоновъ; спремительные, яркіе, быстрые перекапы, сильно выражаемые, даже неровные но пріятные; жалобные тоны, нѣжно лѣющіеся, звуки выводимые безъ искусства но въ которыхъ видна вся душа; звуки очаровательные, проницательные, кои выходятъ кажется изъ сердца и

заставляють трепетать всё сердца; кои производяшь во всемъ что чувствительно, движеніе столь пріятное, томность столь прогательную. . . .

Сїи различныя выраженія перемѣшаны съ безмолвіемъ, симъ безмолвіемъ, которое во всякомъ родѣ мелодіи способствуетъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ. Мы наслаждаемся прекрасными звуками недавно слышанными и еще отзывающимися въ нашемъ слухѣ; мы ими болѣе наслаждаемся, поелику сіе наслажденіе не возмущается новыми ощущеніями; потомъ дождаемся, сильно желаемъ другаго пріема; надѣемся что этакъ еще болѣе намъ понравится; и есшли обманемся, то пріятность отрывка нами слышаннаго не позволимъ жалѣть о томъ, который до времени только оставленъ; и мы все еще надѣемся на слѣдующіе пріемы. . . .

Умирающій Лебедь.

Не ужели только я одинъ долженъ бытъ нѣмъ и безгласенъ? вздыхая говорилъ кропкѣй лебедь самъ съ собою и купаясь при блескѣ прекраснѣйшей вечерней зари; не ужели только я одинъ изъ всего царства пернатыхъ? Не завидно мнѣ гагаканье гусей, клохтанье куриць и мяуканье павлиновъ; но я завидую своему голосу, нѣжный соловей; и когда ему внимаю, то въ упоеніи едва едва плыву по румяной зарѣ опливающейся на водахъ. Какъ бы желалъ я воспѣть тебя, вечернее золотое солнце, швой прелестный свѣтъ, мое блаженство; потомъ погрузиться въ зеркальномъ отблескѣ швоего багрянца и умереть! Тихій лебедь погрузился; поднялся изъ воды опять, и видитъ: какой-то блестящій образъ на берегу манить его къ себѣ. Это былъ Богъ утренняяго и вечерняго солнца, учезарный Фебъ. „Прелестное, кропкое существо, говоритъ онъ лебедю, швое желаніе доселѣ безмолвно

шавшееся въ душѣ швоей, теперь исполняется.“

Сказавши сіе, Фебъ наспроилъ лиру свою въ безсмертномъ тонѣ и пронуль ею лебедя. Сей тонъ проникъ восхищенную пшицу Аполлона, и она разрѣшилась ошъ узъ нѣмоши. Лебедь въ пихомъ излїяніи чувствъ, согласуясь со струнами Бога свѣша, воспѣлъ благодарственно и весело прекрасное солнце, блестящее озеро и свою невинную, блаженную жизнь. Его пѣніе было такъ прїятно, какъ и самый его видъ. Медленно влекъ онъ за собою струю; и при сладкихъ засыпающихъ тонахъ переселился въ Елисейскія поля. Тамъ во всей своей небесной красотѣ палъ къ ногамъ Аполлона съ признапелнностію, что видѣлъ образъ сего Бога и слышалъ безсмертные звуки его лиры. Пѣніе, въ шоторомъ ему было отказано при жизни, сдѣлалось его смертнымъ пѣніемъ и всегда сопровождаетъ шихое разрѣшеніе его членовъ. Тудаже явилась и вѣрная подруга его, съ шихимъ при смерти пѣніемъ Богиня невинности сдѣлала

ихъ своими любимцами и упряжью шой раковинной колесницы, въ коей она шествуетъ къ морю юности.

9.

Воздушныя гробницы.

Юная мать поднялась, и въ пустынь освѣщенной зарею начала искать дерева, на вѣтвяхъ коего моглабы она положить своего сына. Она выбрала красноцвѣтныи клень, украшенный гирляндами апіоса и издающій пріятнѣйшее благовоніе. Одной рукою нагнула она нижнія вѣтви, другою положила тѣло своего сына; потомъ пустила вѣтви, и вѣтви возвратилась въ естественное свое положеніе, унеся съ собой остатки невинности сокрытые въ душистыхъ листьяхъ. Какъ прогашельно сіе обыкновеніе Индѣйцевъ! Въ ихъ воздушныхъ гробницахъ тѣла проникнутыя эфиромъ, поставленныя въ густотѣ зелени и цвѣтовъ, освѣжаемыя росю, обвѣваемыя вѣтерками, колеблемыя ими на той же вѣтви, гдѣ соловей свиль себѣ

гнѣздо, и оглашаетъ окрестности жалобными пѣснями; сіи пѣла въ такомъ видѣ оставленныя, избавлены непріятности обыкновенныхъ могиль. Естлиже это остатки юной дѣвы, дружнею рукою вознесенныя на древо смерти; естли это остатки любезнаго дитяши, котораго мать помѣстила въ жилищѣ маленькихъ ппичекъ; то очарованіе увеличивается еще болѣе.

10.

Природа Южной Америки.

Въ странахъ полуденной Америки природа является во всей своей дѣятельности. Съ вершинъ высокихъ горъ Кордильерскихъ камишь она великими волнами широкія рѣки, коихъ воды свободно разливаясь наводняютъ вдали новыя поля, гдѣ рука человѣческая, теченію ихъ никогда еще не ставила преградъ. На иловатыхъ берегахъ сихъ быстрыхъ рѣкъ возвышаются древнѣе, обширныя лѣса. Теядая, живительная влажность ихъ напаяя

Ющая есть неизсякаемый источник непрестанно обновляющейся зелени сихъ густыхъ лѣсовъ, являющей образъ безпредѣльнаго обилія и плодотворную природу во всемъ цвѣтѣ юности. Не одни только прозябаемая растутъ среди сихъ обширныхъ пустынь; природа своимъ великимъ произведеніямъ дала разнообразіе, движеніе и жизнь. Въ ожиданіи, пока человекъ придетъ владычествовать надъ сими лѣсами, они остаются удѣломъ многихъ животныхъ, изъ коихъ одни красотою своей чешуи, яркостію цвѣшовъ, живостію движеній, скоростію бѣга, другія лоскомъ перьевъ, пріятностію наряда, быстротою полета; а всѣ разнообразіемъ формъ неизмѣримымъ странамъ Новаго Свѣта придають видъ великолѣпной картины, оживленнаго зрѣлища стольже многообразнаго какъ и обширнаго. Съ одной стороны съ шумомъ катятся величественныя воды; съ другой, пѣнящіяся волны свергаются съ трескомъ съ высокихъ скалъ, и въ парахъ на подобіе вихря крутящихся, отражають вдали ослѣпительныя лучи солнца. Здѣсь пестрота цвѣ-

шовъ мѣшается съ яркостію зелени, но потемняется еще ярчайшимъ блескомъ разноцвѣтной одежды птицъ; тамъ цвѣты болѣе живые, опливаемые тѣлами болѣе гладкими, сославляютъ убранство огромныхъ четвероногихъ и большихъ ящерицъ, коихъ съ удивленіемъ видишь на вершинахъ деревь, гдѣ они раздѣляютъ жилище съ обитателями воздуха.

II.

Лѣса и жители Сѣверныхъ странъ.

Подъ небомъ безпрестанно покрытымъ густыми облаками, сквозь кои едва проникаетъ дневный свѣтъ, возвышаются обширные лѣса. Въ нихъ обитають ужасъ тишина и мракъ. Деревья, спольже древнія какъ и земля ихъ носящая, возвышаются и такъ сказать безъ порядка однѣ на другія взгромождаются. Между густыми и переплетшимися ихъ вѣтвями едва примѣтны искривленныя дороги, дѣлающіяся еще непроходимѣе отъ волцовой и шернія. Тамъ огромныя вершины гнѣшомыя тяжестію времянь или разимыя вѣтрами

низпадаюшъ на древнїе пни, лежащїе у ихъ подножія и покрывающїя собою другїе до половины согнившїе. Въ семь ужасномъ уединенїи, въ сихъ дикихъ и невоздѣланныхъ мѣстахъ слышенъ только охрипый и унылый крикъ хищныхъ птицъ, вой медвѣдей, ищущихъ себѣ добычи, шумъ потока стрѣмящагося съ крушаго утеса, превращающагося въ пары и заставляющаго гремѣть эхо сихъ пустыхъ странъ, или спукъ скаль кои рука времени каптитъ по опдающимся лѣсамъ.

Тамъ обитаюшъ, въ пещерахъ, грубые, лютые и неукротимые люди, живущїе только охотою, питающїеся кровїю, и жаждущїе пить ее изъ черепа непрїяпелей. Когда зима покроетъ льдами сїи суровыя страны; посыплетъ снѣгъ большими клоками; когда воды перестаютъ течь, замерзають и швердѣють, рѣки превращаюшся въ плотныя массы, могущїя дѣржать на себѣ самое тяжелое бремя; когда море представляеть затвердѣлую лдяную равнину: тогда сїи свирѣпые люди выходятъ изъ своихъ вершеповъ. Вездѣ для нихъ дорога; даже на

морѣ и на рѣкахъ они находятъ пути не столь опасные, крапчайшіе и не такъ затруднительные, какъ тѣ кои проложены въ ихъ лѣсахъ. Съ булавю въ одной рукѣ, съ топоромъ въ другой, успремляюся они вдаль на ловлю звѣрей коими питаются, и для завладѣнія цѣлыми селеніями чтобы пожирати ихъ обитателей. Они несутъ смерть или сами ея ищутъ. Побуждаемые голодомъ, движимые свирѣпостію, исполненные отваги, жестокости и силы, одушевляясь воспоминаемъ прошедшихъ побѣдъ, забывая опасность имъ угрожающую, они громко выражаютъ глубокія и сильныя чувствованія, возвышаютъ съ усиленіемъ голосъ и стараются наполнить имъ всѣ мѣстами пробѣгаемыя: свирѣпый восторгъ обемлетъ ихъ душу, дикое пѣніе, варварскія пѣсни выходятъ изъ ихъ устъ съ словами смерти и кровопролитія.

Изверженіе огнедышущей горы.

Вдругъ среди ночной тишины ужасный шумъ раздается въ ихъ ухахъ; они слышатъ, какъ вдалекѣ реветъ море гонящее къ берегу свои бугристыя волны; глубокія подземелья опзываются удвояемыми гулами; земля трясется подъ ногами ихъ; объятые ужасомъ бѣгутъ они среди густаго мрака. Сосѣдняя гора, напрягшись, растворяется и вержеть въ высоту огненный столпъ, разливающей во тьмѣ багровый и печальный свѣтъ: огромные камни летятъ во всѣ стороны, молнія блещетъ и низпадаетъ; огненное море въ быстромъ стремленіи наводняетъ поля; съ приближеніемъ его возгораются лѣса; земля представляетъ видъ ужаснаго пожара питаемаго чрезмѣрными громадами горючихъ веществъ и раздуваемаго бурными вѣтрами. Куда вы бѣжите, несчастные смертные? гдѣ бы вы ни искали себѣ убѣжища, какъ избѣгнете угрожающей вамъ смерти? Новыя пропасти, разверзаются подъ вашими стопами, новые вихри пламени,

каменной, пепла и дыму лепящъ къ вамъ съ вершины горъ; а пѣнящееся море, багрѣя отъ блеску молній, выступаетъ изъ береговъ и спремится поглотить васъ.

Между тѣмъ сіи ужасныя явленія мало по малу утихаютъ, огни укрощаются, море полуутихшее гонитъ вспять свои родющія волны, земля швердѣетъ, шумъ умолкаетъ и является свѣтъ. Какой жалкой унылый видъ представляетъ опустошенное поле! На немъ видны только груды пепла, огромныя скалы безъ порядка одна на другую взгроможденныя, потоки разкаленной лавы, лѣса еще горящія, печальные остатки несчастныхъ погibшихъ среди сихъ бѣдствій. Небо покрытое облаками бросаетъ на всѣ сіи плачевные предметы блѣдный и тусклый свѣтъ; смутная тишина царствуетъ въ воздухѣ; отдаленный шумъ предвѣщаетъ новыя несчастія, и море глухимъ стономъ отвѣтствуетъ унылому реву раздающемуся въ глубокихъ пещерахъ.

Козаки и Богданъ Хмѣльницкій.

(Ошрывокъ.)

„Лѣтописи Украйны и Малороссіи столько же любопытны какъ и Исторія древнихъ Республикъ. Въ нихъ, какъ въ лѣтописяхъ древности, видимъ мы общества образуемая воинскимъ духомъ и духъ сей поддерживаемый частными правильными учрежденіями. Граждане сихъ обществъ были воспитываемы подобно Спартамцамъ и всегда вооружены какъ Римляне. Они не стремились подобно симъ послѣднимъ покорить всю тогда извѣстную землю; но храбро защищали свои олтари и дома; безпокойства кочевой жизни предпочитали нѣгѣ рабства; отцы ихъ передавали своимъ дѣтямъ гордость независимости и оставляли единственнѣмъ наследіемъ саблю и слова: *побѣдить или умереть*.

„Въ сихъ Лѣтописяхъ видимъ мы, какъ усыновленіе вознаграждало потери войны и давало симъ народамъ ревнованіемъ по своей свободѣ, новыя руки для защиты; въ нихъ слѣдуемъ мы за изворо-

пами политики и порывами мужества, ударами припѣсенія и силой отраженія, узнаёмъ времена героическїя, но не баснословныя; на конецъ находимъ пороки и добродѣтели: сіи добродѣтели, кои съ удивленіемъ былибы перевозносимы въ Грекахъ и Римлянахъ, можешь быть сочтутся варварствомъ, когда будешь говорить о Козакахъ.

„Козаки не увеличили нашихъ познаній. Римъ оставилъ намъ законы и развалины; Греція поэтовъ и статуи: сердце прогаешся при воспоминаніи о прекрасныхъ дняхъ Аѳинъ; умъ изумляешся при воззрѣніи на Седмихолміе.

„Какое чувство возбуждаютъ въ насъ Козаки, изъ которыхъ выставляли намъ только измѣнниковъ, и о которыхъ мы тѣмъ съ меньшимъ пристрастіемъ должны судить, что ихъ величіе не велико намъ, какъ при Римлянахъ, забытъ колыбель ихъ, и что дѣшество ихъ не было украшено, какъ у Грековъ, всѣми прелестями баснословія?

„Малороссійскіе Козаки были народъ спокойный; они хищности Дворянства и

Духовенства Польскаго отвѣтствовали сперва уступчивостію; въ послѣдствіи увидѣли они, что ихъ думаютъ подавить; и удивительноли, что желаніе опдалить несносное иго вооружило ихъ саблюю и укрѣпило въ нихъ духъ независимости? Но если они одною рукою отражали покушенія на ихъ вольность, доставшуюся имъ отъ отцовъ; то другою не останавливали ли они Турокъ и не отражали ли Татаръ? Не защищали ли они внутреннихъ провинцій отъ нашествія Восточныхъ варваровъ и не противились ли съ успѣхомъ, бѣшеной ярости сихъ враговъ Христіянскаго имени?“

Такъ отзывается о Малороссіянахъ иностранецъ, которому небыло никакой нужды слишкомъ выхвалять ихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, чувство признательности къ великимъ заслугамъ людей жершующихъ своему отечеству, какое бы оно ни было: Римъ, Греція, Турція, или Китай, проникаетъ всякаго безпристрастнаго, когда взоръ его останавливается на подвигахъ Героя-пашрїоца.

Въ борьбѣ народовъ за свободу и прочность благосостоянія, естли мы сами не участвуемъ въ ней, видимъ истинную силу духа пѣхъ и другихъ, и отдаемъ преимущество тому, кто побѣдивъ своего противника, могъ преодолѣть самаго себя. Такъ судимъ мы о Грекахъ и Римлянахъ; такъ должны судить и о всякомъ другомъ народѣ, который оставилъ по себѣ достопамятный листъ въ исторіи чело-вѣчества!

Поля, на которыхъ подвизались древніе обитатели сихъ мѣстъ, суть нѣмые свидѣтели ихъ побѣды и обилія. Громкое эхо грозной брани раздававшееся по лѣсамъ Украйны и Малороссіи исчезло вмѣстѣ съ пріятными отголосками безпечныхъ щасливцевъ и щасливицъ, кои по своему пѣли свои удовольствія. * Но слѣды ихъ мужества напечатлѣны и на опдаленныхъ потомкахъ. Не видители вы въ каждомъ истинномъ Козакѣ Геркулеса? Это сынъ роскошной Азіи, укрѣпленный всѣми нуждами жителей хладнаго Сѣвера.

Въ новомъ положеніи вещей Козаки явили себя достойными своихъ предковъ. Недавно видѣли знамена ихъ развѣвающимися на берегахъ кичливой Сены. Но громъ славы новыхъ дѣяній не заглушаетъ въ насъ признательнаго чувства къ подвигамъ древнихъ; и видъ сыновъ, достойныхъ отцевъ своихъ, услаждаетъ еще болѣе воспоминаніе о нихъ.

Подвижники сошли съ поприща; время и лица перемѣнились. Добрый Геній народовъ далъ умамъ другое направленіе: онъ возхотѣлъ, чтобы крѣпкій духъ Козаковъ смягчился благодѣяніями наукъ; они сдѣлились съ своими единоплеменниками, и Малороссія озарилась свѣтомъ ученія.

Воззовемъ изъ мрака прошедшихъ временъ мужа, отдавашаго всего себя на пользу отечества: пусть онъ будетъ вѣчной укоризною беспечныхъ и твердымъ назидаемъ бодрыхъ! При имени Хмѣльницкаго какой Малороссіянинъ останется хладнокровенъ и неприведетъ себѣ на мысль тысячу воспоминаній?

И онъ подобно многимъ славнымъ мужамъ древнихъ и новѣйшихъ временъ, доказалъ собою ту истину, что несчастіе творить людей великихъ.

Человѣкъ, не справедливо преслѣдуемый, въ минушу опчаянїя рѣшается собрать всѣ свои силы, и сія минуша опредѣляетъ его характеръ. Онъ дремалъ бы, подобно всѣмъ сынамъ нѣги и роскоши, въ вѣчномъ усыпленїи; но пригошовленный заранѣе выдерживать превратности, нестрепень и тогда, какъ отвсюду зїяють на него бездны; укрѣпляясь правотою, онъ готовъ пасть подъ развалинами вселенной; неутомимъ, строгъ къ самому себѣ болѣе нежели къ другимъ, онъ выступаетъ на свое поприще, забывая даже о славѣ; но она и слѣдуетъ только за нѣмъ, кшо убѣгаетъ отъ ней. Таковъ Хмѣльницкій!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Моя Мечта.

Одинъ сажу на холмѣ дикомъ,
Среди пустынныхъ мѣстъ, вблизи разва-
линь сихъ,
Великихъ во своемъ ничтожествѣ вели-
комъ,

И пняжкихъ для себя самихъ.
Все тихо вокругъ меня; лишь Авіо пѣни-
стый
Вдали кипитъ, реветъ и низпадаетъ въ
прахъ.

Лучь догорающій, сквозь облака огнищю,
Сверкаетъ изрѣдка въ чешуйчатыхъ вол-
нахъ ;

Сверкнулъ въ послѣдній разъ,
И въ пропасть мрачну
Скользнувши за волной, погасъ.
Взойди, о Циншя, взгляни сквозь ткань
прозрачну,
Признавательный зовешь себя въ вечерній
часъ.

Какъ юный другъ мечты, онъ при швсемъ
мерцаньи

Прошедшему сѣи минуны посвяпитъ,
И сонмъ полубоговъ въ своемъ воспо-
минаньи

Близъ памятниковъ ихъ на время оживишь.
Но не являй мнѣ грозныхъ тѣней;
Онѣ, какъ ужасъ новыхъ поколѣнѣй,
Пусть на развалинахъ живущъ,
Иль въ шумѣ завыванѣй
Злодѣямъ предстающъ.

Меня не прогають громады зданѣй;
Мнѣ дорогъ пепельный сосудъ,
Отколѣ гласъ пѣвца внимательнымъ по-
помкамъ
Въ слухъ лезетъ и манишь ихъ какъ
игривый ключъ.

Когда луны янтарный лучъ,
Скользитъ по мраморнымъ об-
ломкамъ

И кажешь пушнику колоссовъ надшихъ
рядъ,
Что мыслить онъ? Стопы его дро-
жашъ.

И съ шрепетаньемъ сердца
Онъ нихъ онъ быстрою слрѣлой несешя;

И въ тоже время здѣсь надъ урною твоею,
Чувствительный Горацій,
Спускается хоръ Музъ и Грацій
Съ лазоревыхъ зыбей. . . .

Все тихо, весело. . . Вотъ первый лучъ ден-
ницъ

Блеснулъ въ Аврориныхъ слезахъ;
Онъ, преломляясь въ нихъ, оплился на
щекахъ

Богинь носящихся вокругъ твоей гроб-
ницы. . . .

Петрарки нѣ Сонетъ.

S'amor non è; che dunque è quel, ch'io sento?

Коль это не любовь; такъ чтожь я
ощущаю?

А ежели любовь; скажите, что она:

Пріятналь? Отъ чегожь вся кровь во-
спалена?

Несносналь? Отъ чегожь такъ сладко я
спрадаю?

По волюбъ я горю? Чтожь плачу и
вздыхаю?

Неволеюль? Къ чему напрасная тоска?

Живящій ядъ, всѣхъ золь сладчайшая вѣна!

Чья, чья душа добрей когда нибудь бы-
вала?

Хоть каждый взглядъ ея косы сѣкущій
махъ!

Тому и помечтать не можно о пре-
красномъ,

Кто не видалъ еще моей любезной глазъ.

Ахъ, какъ поводитъ ихъ она въ огнѣ
опасномъ!

Не знаешь онъ еще, какъ изцѣляетъ насъ

И какъ язвитъ любовь въ усмѣшкѣ, вздо-
хѣ страстномъ,

Коль въ слухъ ему ея рѣчь сладка не
дилась.

Зайдъ и Зайда.

(Романсъ)

Por la calle de su dama etc.

По тропинкѣ своей милой

Медленно ходилъ Зайдъ,

Ожидая той минуты

Какъ появится она.

Ужъ въ отчаяннѣ приходилъ

Мавръ ошъ мѣщканья ея;

Онъ однимъ ея воззрѣнемъ
Мыслишь пламя прохладить.

Вотъ, какъ послѣ бури солнце
Или мѣсяцъ изъ за тучъ,
Появляется Заида
Выходя на свой балконъ.

Тихо къ ней Заидъ подходитъ;
„Здравствуй, милая моя!
Правдали, что мнѣ сказали
Слуги вѣрные мои?“

„Хочешь ты меня оставитьъ,
И за Мавра, что пришелъ
Изъ опцовскаго помѣстья,
За мужъ думаешь ийти?“

„Правдаль, милая Заида?
Безъ обмана мнѣ скажи;
Не держи того ты въ тайнѣ,
Что уже извѣстно всѣмъ.“

Робко говоритъ Заида:
Да, мой милый, видно такъ;
Время намъ съ тобой распаться,
Потому что знаютъ всѣ.

Невозвратно я погибну
Если долѣе продлю;
Богъ одинъ вѣсть, какъ несносно
Разлучашься мнѣ съ тобой!

Самъ ты знаешь, какъ любила:
Я домашнимъ вопреки;
Знаешь, сколько огорченій
Дѣлала мнѣ мать моя.

Часто ночь я проводила
Въ ожиданіи тебя;
Но теперь, чтобъ это кончить,
За мужъ выдаюшь меня.

Скоро ты съ другою милой:
Снова жить начнешь Заидъ
И любя, любимъ ты ею
Будешь; споишь ты шого.

Пораженный пѣжкимъ горемъ
Робко отвѣчаетъ Мавръ:
„Милая не понимаю,
Что ты дѣлаешь со мной.

„Не могу себѣ представить,
Какъ ты можешь предпочесть
Отвратительнаго Мавра
Недостойнаго себя.

„Ахъ, не тыли говорила:
Вечеромъ когда-то мнѣ:
Я швоя, швоя на вѣки,
Несравненный мой Заидъ?“ . . .

Другой Романсѣ.

Rie verde, Rio verde, etc.

Токъ зеленый, Токъ зеленый!
Сколько тѣль ты поглотилъ,
Христіянскихъ тѣль и Маврскихъ
Жертвъ несытаго меча!

Съ чистою твоей струею
Чермная мѣшалась кровь,
Мавровъ кровь и съ ними падшихъ
Въ грозной битвѣ Христіянъ.

Пали шуть Герцоги, Графы,
Много и другихъ Вельможъ
И изъ Рыцарей Испанскихъ
Лучшіе погибли здѣсь.

Близъ тебя палъ Донъ Алонзо,
Донъ Алонзо Агвиларъ,
И съ Алонзомъ въ поже время
Сильный крѣпкій Урдіаль.

Вотъ спускается съ утеса
Мужественный Саяведръ;
Онъ Гренадецъ изъ Севиллы
И породой знаменитъ.

Ренегатъ за нимъ спремится
И во слѣдъ ему кричишь:

„Не бѣги ты съ поля битвы,
Сдайся, сдайся Саяведрь.

Знаю я тебя; я долго
Долго въ домѣ жилъ швоемъ,
И на площади Севильской
Копья ты при мнѣ мешаль.

Мать, отца твоихъ я знаю
Донну Клару знаю пожь;
Цѣлыя семь лѣтъ со мною
Ты жестоко поступаль.

А шеперь ты самъ мой плѣнникъ;
Если дасъ мнѣ Магомешъ;
Какъ ты поступаль со мною,
Такъ съ шобой я поступлю.“

Саяведрь все это слышаль;
Къ Мавру обратился онъ;
Мавръ пустиль въ него стрѣлою,
Но ошибся, не попалъ.

Саяведрь бѣжитъ тушь къ Мавру
И даешъ ему ударъ;
Падаешъ спремглавъ на землю
Онѣмѣлый Ренегашъ.

Саяведра окружила
Мавровъ цѣлая толпа:
Острымъ копіемъ пронзенный
Замершво упаль и онъ.

Донъ Алонзо въ это время
Богатырски отражалъ;
Конь его, подъ нимъ убитый,
Быль стѣною для него.

Но полкъ несмѣнной Мавровъ
Онъ противиться не могъ:
Потерявши много крови,
И Алонзо палъ безъ чувствъ.

Обезглавленный кашится
Съ высоты скалы на низъ;
Умеръ, умеръ Донъ Алонзо,
Но для вѣчной славы живъ!

(Съ Испанскаго.)
